№ 86 2012 г.

ЛИПЕЦКО-ЕЛЕЦКАЯ ЕПАРХИЯ

Задонский паломник

ОДОБРЕНО СИНОДАЛЬНЫМ ИНФОРМАЦИОННЫМ ОТДЕЛОМ. СВИДЕТЕЛЬСТВО № 134 ОТ 4 СЕНТЯБРЯ 2011 ГОДА

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

Задонский паломник

№ 86, 3 апреля 2012

По благословению архиепископа Липецкого и Елецкого Никона

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

Оставь любопытствовать, что делается в том или другом месте; озаботься узнать, при помощи слова Божия, что делается в душе твоей, к какой ты идешь окончательной цели, к погибели или ко спасению, на каком пути ты находишься, на пути ли праведных или на пути нечестивых?

Святитель Тихон Задонский

Учредитель:
Православная религиозная организация Задонского Рождество-Богородицкого мужского Епархиального монастыря г. Задонска Липецкой области Липецкой и Елецкой епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)

Главный редактор:
Иеромонах Гавриил (Мельников Д.В.)

Адрес редакции, издателя:
399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. К. Маркса, 121.
Телефон: (47471) 2-49-55

Адрес типографии:
399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. Коммуны, 14.

Тираж: 5 000 экз.
Цена свободная.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство: ПИ №ФС77-21446 от 01 июля 2005 г.

При перепечатке ссылка на «Задонский паломник» обязательна

Просьба не использовать издание в хозяйственных целях

Содержание:

2 «ХЛЕБ ЖИВЫЙ, СШЕДШИЙ С НЕБЕС...»
Проповедь архиепископа Липецкого и Елецкого Никона

6 «Я БЛАГОДАРЮ БОГА...»
Интервью с Высокопреосвященнейшим Никоном, архиепископом Липецким и Елецким

11 «ГДЕ ЛЮБОВЬ – ТАМ БОГ...»
Блаженной памяти схиархимандрита Виталия (Сидоренко)

16 ХРИСТИАНАМ О ХРИСТИАНСТВЕ
Из бесед с кавказским пустынником «Терпяще друг друга любовию», ч. 3

20 «БОЖЕ, БУДЬ СО МНОЮ!»
Из воспоминаний протоиерея Михаила Труханова, ч. 3

24 «БЛАГОСЛОВЕНИЕМ СВЯТИТЕЛЯ ФЕОДОРИТА...»
Исторические очерки

27 УРОК 5: «СОТВОРЕНИЕ И ВОСКРЕСЕНИЕ»
Детские странички

30 «СИРОТКА»
Детский рассказ

«Хлеб живый, сшедший с небес...»

Проповедь архиепископа Липецкого и Елецкого Никона, 26 октября 2011 года.

«Я хлеб живый, сшедший с небес: ядущий хлеб сей будет жить во век ...» (Ин 6:51)

Для того, чтобы человек понимал как и о чем нужно молиться, чтобы всем своим существом он смог довериться и устремиться к Богу, Сам Господь Иисус Христос дал нам молитву «Отче наш...». Эту молитву мы произносим довольно часто — и за Богослужениями, и в ежедневных молитвенных правилах, и перед трапезой. Мы знаем ее наизусть и давно привыкли к ней. Только, к сожалению, мало задумываемся над ее содержанием...

Каждый день мы просим Творца: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь...» Но не только земной хлеб подает нам Господь. Уготовляя человечеству жизнь в вечности, Он призывает нас к Себе: «*Я есмь хлеб жизни... Я хлеб живый, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить во век; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира... если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и кровь Моя истинно есть питие*» (Ин 6:48,51,53-55).

Но лукавый дух уводит нас сегодня от Бога все дальше и дальше. Не только добрая жизнь — даже истинная устремленность к Богу в нас пропадает... Дорожит ли современный человек молитвой, исходящей из глубин сердца? Дорожит ли великим даром Таинства Святой Евхаристии?

Ради воссоединения с Господом христиане первых веков причащались Тела и Крови Христовой каждый день. Позже появился обычай причащаться четыре раза в неделю. Затем — один раз в неделю. Потом — четырежды в год (по одному разу в каждый пост). Дошло и до того, что христиане приходят ко Причастию раз в год, а многие раз в несколько лет... Так ослабела наша вера.

Во многом — это следствие семидесятилетней антирелигиозной пропаганды и страшных гонений на церковь, когда борьба с Богом велась открыто и жестоко. В советское время нам твердили: «Бога нет! Нет рая, нет ада. Религия — опиум для народа! Священнослужители — это тунеядцы, которые обманывают честных людей и живут за их счет. Нужно избавиться от религиозных предрассудков! Вперед, к победе коммунизма!» И под такие лозунги целые поколения, в большинстве своем, выросли без веры в Бога. Многие были пионерами, комсомольцами, коммунистами... Мы с вами хорошо помним эти времена.

Но сегодня ситуация совсем иная: храмы открыты, вера возрождается, Евангелие проповедуется с церковных амвонов, общедоступна святоотеческая литература, — однако многие все же остаются глухи и безразличны к призыву Церкви Христовой. Их сердца не имеют отклика, их сознание не ищет Истину...

Если бы такие люди хотя бы немного задумались! В школе нас учили: некоторые из теорем можно доказывать «от противного». Так вот, сегодня даже наука, проводя различные исследования, посредствам современных технологий фиксирует существование невидимого мира. Наука хотя и далеко отстоит от Бога, но косвенно начинает свидетельствовать человечеству о том, что духовный мир все же существует, существуют рай и ад. Ученые уже признают, что у человека есть душа. Современная техника фиксирует много явлений и воздействий на материальный мир «потусторонних сил», как называют их ученые. Но мы, православные христиане, понимаем, что так называемые «потусторонние силы» — это силы бесплотные: или ангелы, или демоны.

Когда совершается Божественная литургия, храм наполняется Небесными Силами: ангелами, архангелами... Это действительно так! Ведь совершается великое таинство Евхаристии — хлеб и вино пресуществляются в Плоть и Кровь Христову. Господь снова и снова приглашает нас к соединению с Ним в таинстве святого Причащения. Но мы остаемся безучастны...

А как рассуждают люди, отрицающие Бога, не задумывающиеся о вечности и уверенные в завтрашнем дне? Они думают, что если в этом году был урожай, так будет он и в следующем: «А мы будем продолжать грешить: блудить, сквернословить, пьянствовать, проклинать, красть, заниматься своими

злобными, коварными, нечистыми делами». Какое заблуждение! Ведь дать или не дать нам насущный хлеб — во власти одного лишь Бога. И если не будет на то Его святой воли, ничто посеянное нами не принесет плода, *«...ибо без Меня не можете делать ничего»* (Ин 15:5).

Да, дорогие, Бог — единственный источник жизни! И здесь, на земле, Он дал нам возможность соединяться с Ним в таинстве Причастия. Но как соединиться с Богом нам, не имеющим покаяния, погрязшим во грехе и пренебрегающим заповедями Господа нашего Иисуса Христа? Ведь невозможно человеку, если он нечист, приблизиться к Творцу! Прежде, хорошо бы внимательно взглянуть на свою жизнь. Ведь наши дела во многом предопределяют обстоятельства нашей жизни. Порой мы надеемся, что в угоду своим страстям и греховным желаниям, вот так вот не задумываясь, безбедно проживем — без скорбей, без болезней... Но вдруг откуда-то приходят и болезни, и скорби. А мы недоумеваем: «Почему?! Почему так происходит именно со мной?!» Да потому, что без Бога все живое погибает! А, тем более, гибнет человек — единственный из всех земных существ, созданный по образу и подобию Божию. Гибнет его душа для вечной блаженной жизни! И чем больше мы грешим, тем дальше отдаляемся от своего Небесного Отца...

Человек отходит, отворачивается от Бога сам — по своей воле. Но Господь терпеливо ждет... И до последней минуты нашей земной жизни каждому из нас подается возможность одуматься, обратить свое сердце вслед Христа, примириться и соединиться с Ним. Примириться — значит попросить у Бога прощение за то, что отошел от Него, что жил вопреки Его заповедям. Каждому из нас необходимо пересмотреть свою жизнь, свои мысли, чувства и поступки. Нужно покаяться, попросить прощение у Бога за содеянные грехи. Но, прежде, искренне простить нашим должникам и обидчикам и примириться с ними. Ведь и об этом мы просим в молитве Господней: «...и остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим...»

А мы всегда замечаем и долго не можем смириться, если с нами поступили неправильно, если нас подвели или обманули. Мы накапливаем злобу, обиду и порой всерьез задумываемся, как бы обидчику отомстить. Но при этом забываем, что человек — это образ Божий, и когда мы обижаем человека — мы обижаем Самого Господа! Ведь бывают случаи, когда в негодовании некоторые задают вопрос: «Может нанять людей, которые выбьют из должников наш долг?» И чего мы добьемся с таким расположением? Ну, даже если выбьют и вернут нам долг — но пострадают же люди! И их страдания лягут на нашу совесть. Их страдания усугубят тяжесть нашей жизни, ведь *«каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить»* (Мф 7:2) Потому те слезы, которые прольют люди, пусть даже враги и обидчики, из-за нашего злого произволения настигнут нас в многократном размере...

В суете, вечной торопливости и спешке мало кто задумывается, что неприятности происходят с нами не случайно. Это Господь попускает их, быть может, за наши грехи или еще по какой-то причине, ведомой только Ему. Где-то человека обокрали, обманули,

где-то он переплатил... Значит, нужно простить, и простить искренне, как прощает нам Господь. Нужно помолиться и подумать: «Господи, прими эту мою утрату, как жертву», — и в душе наступит мир. Как сказано в Писании: *«Прости ближнему твоему обиду, и тогда по молитве твоей отпустятся грехи твои»* (Сир 28:2).

Задумайтесь, ведь даже если мы уверены, что кто-то достоин наказания, разве Господь разрешал нам наказывать? Вспомните слова апостола Павла: *«Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение. Я воздам, говорит Господь»* (Рим 12:19). Мы даже не понимаем, какие последствия может повлечь за собой неосторожно в обиде или гневе сказанное слово, не то что поступок.

В святоотеческой литературе описывается такой случай. Двое монахов-отшельников, Евтихий и Флорентий, вели пустынную жизнь. Невдалеке от места их обитания находился монастырь. И когда умер игумен обители, братия обратилась к Евтихию с просьбой возглавить монастырь, на что тот ответил согласием. Флорентий остался один и начал молить Бога, чтобы Он помог ему одному подвизаться на прежнем уединенном месте. И вот однажды Флорентий увидел медведя, стоявшего около его кельи с покорно приклоненной головой. Монах понял, что этот зверь послан ему в помощь Самим Господом.

У Флорентия было пять овец и некому было их пасти. Потому он сказал медведю: «Паси овец и к шести часам возвращайся вместе с ними». Когда же отшельник постился до девятого часа, то приказывал медведю возвращаться с овцами к девяти. И тот в точности исполнял его приказы, никогда не путая время. Так прошло много дней, и по всей стране начала распространяться молва о чуде, происходившем у Флорентия. И вот, по наущению диавола, четыре монаха из монастыря Евтихия позавидовали Флорентию, так как их учитель не творил таких знамений. Притаившись, они убили медведя. Когда медведь не возвратился к старцу в назначенный час, Флорентий запереживал и на другой день отправился искать его. Найдя зверя убитым, старец сильно опечалился, но вскоре понял, кем был убит медведь и горько плакал уже не столько о смерти животного, сколько о погибельной злобе убивших его монахов.

Когда Евтихий узнал о скорби своего брата, то позвал его к себе, чтобы утешить. Флорентий же с глубокой печалью сказал: «Я надеюсь на Всемогущего Бога, что те, кто убил медведя, не причинившего никому никакого зла, получат еще в настоящей жизни пред очами всех наказание от Господа». И лишь только угодник Божий успел сказать эти слова, как за ними последовало их исполнение — внезапно те четыре монаха были поражены от Господа страшною проказою так, что заживо сгнили. После того, как случилось все это, Флорентий пришел в великий страх — он понял, что проклял тех братьев. Всю свою жизнь он рыдал и каялся в содеянном, называя себя жестоким убийцей.

Вот так за содеянное зло Господь наказал убийц медведя, тем самым вразумив Флорентия, чтобы он, будучи обижен, больше никогда не смел никого проклинать своими устами.

А потому, дорогие, надо быть внимательнее не только к своим поступкам и словам, но даже к мыслям и чувствам. Многие из нас не понимают, что грешат, не осознают, какие пагубные последствия влечет за собой наша нелюбовь, злословие, осуждение... Порой мы не можем унять свою злобу, даже подходя к Святому Причастию — готовясь к моменту соединения со Христом, мы в мыслях продолжаем браниться на ближних: «Этот игумен такой-сякой! Этот хозяин плохой! Тот начальник несправедливый! Хоть бы им...» И вовсе не задумываемся, что не только осуждаем, но и проклинаем. Ведь, если мы говорим: «Хоть бы тебе не доехать! Чтоб тебе объесться!» и тому подобное — все это проклятие. А вы представляете, что происходит, когда мы проклинаем?

Я уже более тридцати лет предстою Престолу Божию, и за это время мне пришлось неоднократно наблюдать тяжелые последствия таких грехов. Люди заболевали и умирали, сгнивая заживо. Они кричали от боли — кричали день и ночь. А врачи отказывались от них, потому что не в силах были им помочь.

Вспоминаю такой случай. Когда я служил на приходе, в той местности был пастух. Он имел привычку ругаться страшными скверными словами. И однажды с ним случилось следующее: он начал непроизвольно плеваться, да так, что даже не мог на себя надеть одежду. Когда я приехал, застал такую картину: на шее у этого человека была привязана простынь, а перед ним стоял таз. Сам он постоянно плевался. Его домочадцы просили: «Батюшка, может его пособоровать да причастить?» Ну разве можно причащать, если человек постоянно плюется?! Потому я его только пособоровал и спросил, почему так с ним происходит? Он ответил: «Это, батюшка, за мою матерщину! Как же я ругал всех и вся...» После соборования ему сразу стало легче, он постепенно перестал плеваться. Осознав тяжесть греха, через несколько дней он исповедался, и я его причастил. Такое было ему вразумление от Господа.

Потому, будьте бдительны. Недаром мы, священнослужители, говорим: «Если пришла болезнь

— начните с покаяния! Нужно вспомнить и покаяться пред Богом во всем, что отягощает душу, начиная с семилетнего возраста». Ведь каждое слово хулы, скверны, ругани записывают в свои хартии демоны, чтоб на мытарствах предъявить нам в обвинение. Как говорит Священное Писание: *«...за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься»* (Мф 12:36-37). А каждое доброе дело, даже самое малое, записывают наши ангелы, чтобы оправдать нас пред Господом.

Известны случаи, когда благодатью Божией святым отцам открывались хартии грехов приходящих к ним на покаяние христиан. Так, одна женщина пришла к преподобному Амвросию Оптинскому и говорит: «Батюшка, благослови. Я хочу покаяться во всех грехах, которые совершила за свою жизнь. Но ты мне помоги, если все не вспомню». И когда она каялась, батюшка подсказал ей некоторые грехи, один из которых ввел ее в недоумение: «Не совершала я такого!» Преподобный Амвросий ответил: «Прости, это я, наверное, просто позабывшись сказал». Но с того момента она уже не могла найти себе покоя: «Как же так батюшка сказал о грехе, который я не делала?» И, очевидно, по его молитвам, спустя несколько дней она действительно вспомнила и осознала грех, о котором напомнил ей батюшка. Вернувшись к нему, она испросила прощение и с облегченным сердцем покаялась.

Раньше к исповеди относились очень серьезно. Страх Божий был в людях, боялись согрешить, а тем более не успеть перед смертью покаяться в содеянном. Почему же сегодня так мало людей, стремящихся по-настоящему очистить свою душу от греха в таинстве покаяния?

Причины тут разные: и то, что не имеем веры в Бога; и то, что не расцениваем свои поступки как греховные; и то, что не доверяем священнику, чтобы чистосердечно открыться на исповеди...

А бывает ведь такое. Приходя на исповедь, человек начинает открывать священнику свои грехи. Каждый произнесенный им грех, как змея падает из его уст. Но тут подступает демон и начинает смущать исповедника: «Ну и кому ты говоришь-то? Человеку!» Приняв такой помысел, исповедник замыкается и думает: «Действительно, кому? Он же человек! Что он обо мне подумает?! А что, если он разгласит все мои грехи?..» И вот в таком смущенном состоянии, утаив грехи, мы отходим от аналоя... Очень точно говорит нам об этом святитель Димитрий Ростовский: *«Тщетность спасения для исповедующихся происходит вот почему: услышав обличение от духовного отца, они больше не будут вполне откровенно и чистосердечно исповедоваться в своих грехах, не исповедуя же откровенно грехов своих, они останутся с неисцеленными душами, сделаются сынами гнева Божия, и если кому из них случится так умереть, они погибнут навеки»*[1].

А потому, подходя к исповеди, каждый должен понимать, что пришел примириться **с Богом**! Мы предстоим **пред Господом**, открываем **Ему** все наши грехи, так как согрешили **пред Ним**. Мы просим **у Него** прощения, и Он, **Господь, прощает** нас. Священник — только свидетель нашего покаяния и инструмент Божий, наделенный властью отпускать нам грехи. И за власть, данную ему Самим Господом, он несет пред Ним великую и страшную ответственность. Упоминая о тайне исповеди, святитель Димитрий Ростовский говорит о ней, как о «тайне Божией», а потому, разглашающего тайну Божию ждет Страшный суд: *«Если же какой неискусный, злонравный и безумный иерей, упившись хмелем или злобою, неистовствуя в гордыни или тщеславном превозношении, дерзнет обличать своих духовных детей и объявлять пред людьми их грехи, — таковой, как богопротивник, разоритель Таинства Божия и насильник печати Святого Духа, подпадает Страшному Суду Божию и вечной казни, и ждет его вечная мука с Иудой, предателем Христовым, ибо открывающий тайну Божию, то есть исповедь, и делающий ее известной людям предает Самого Христа, пребывающего в кающемся человеке»*[2].

Действительно, таинство покаяния — очень сокровенный момент для каждого из его участников: и для исповедующегося христианина, и для принимающего исповедь священника. Каждый из участников этого таинства предстоит и исполняет свой долг пред Самим Богом.

Будем помнить, дорогие, что каждый, кто в покаянии приходит на исповедь, готовит себя к встрече со Христом, к воссоединению с Ним здесь, в таинстве святого Причащения, а после — в Жизни Вечной. А потому, давайте устремимся к Нему всем сердцем, всем своим существом. Как сказал Сам Господь: *«Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь пребывает во мне, и Я в нем. Как послал меня живый Отец, и Я живу Отцем: так и ядущий Меня жить будет Мною. Сей-то есть хлеб, сшедший с небес... ядущий хлеб сей жить будет вовек»* (Ин 6:56-58).

Аминь.

[1,2] Святитель Димитрий Ростовский. «Поучения к иереям».

«Я благодарю Бога...»

19 декабря 2011 года, в день памяти святителя Николая, исполнилось 70 лет со дня рождения Высокопреосвященнейшего Никона, архиепископа Липецкого и Елецкого. В преддверии праздника мы обратились к Владыке с просьбой рассказать о своей жизни.

(начало в № 85)

— Владыка, выбирая жизненный путь, человек подсознательно ищет тот идеал, к которому стремится его сердце. Сделанный Вами выбор очевиден — монашество и пастырское служение. В Вашем рассказе о молодых годах чувствуется и веселый нрав, и желание идти по жизни смело: Вам хотелось служить в армии, Вам нравилось трудиться на заводе, Вам легко давалось общение с людьми любого возраста, уровня и мировоззрения.

Каким образом в те годы в системе Ваших ценностей высшим идеалом стал путь монашеский? Что повлияло на Ваш выбор?

— Думаю, меня изначально поразила та красота христианского подвига, которую Господь открыл мне на жизненном примере удивительных людей: моей первой духовной наставницы, схимонахини Антонии (Овечкиной, 1902-1972), а позже — схиархимандрита Виталия (Сидоренко, 1928-1992) и схимитрополита Серафима[1] (Мажуги, 1896-1985). Это были истинные монахи. Монахи не по форме и одежде, а по внутреннему устроению.

В те безбожные времена, наверное, ради спасения наших душ — смущенных и ищущих, верующих и сомневающихся, скорбящих и отчаявшихся — Господь подавал нам возможность соприкоснуться с живыми примерами глубокой веры и жертвенной любви. И, конечно, молитвами таких избранников Божиих менялись и определялись судьбы многих людей, в том числе и моей.

Помню, как много значила для меня встреча со схимонахиней Антонией. При полной физической немощности, сила ее духа была поразительна. Уже в 22 года из-за болезни матушка осталась недвижима. Ее перевозили на тележке или в колясочке, а любое, даже самое малое, движение, давалось ей с великим трудом и болью. Но, несмотря на то, что тело ее изнемогало и пошевелиться без посторонней помощи ей было практически невозможно, она никогда и никому не отказывала: двери ее дома были открыты для всех, кто искал помощи и утешения. К ней ехали со всей округи. И ехали не с радостью, а со слезами и скорбями, и в основном люди недужные — больные духовно, особенно те, в которых явно проявлялась демоническая сила. Матушка брала Евангелие, раскрывала его, возлагала на головы страждущих, которые стояли вокруг нее на коленях, и молилась о каждом. И благодатью Божией по молитвам старицы люди исцелялись. Некоторые получали избавление от недугов прямо на глазах...

Сколько жертвенности, терпения и любви было в матушке Антонии! Не зная покоя, она всегда была окружена людьми — и днем, и даже ночью в ее келье на полу ночевали страждущие, больные

[1] Более известен, как владыка Зиновий (митрополит Тетрицкаройский).

и бесноватые. Некоторые приезжали, чтобы пожить, помолиться, побыть на послушании. Читали молитвенные правила, клали поклончики. Всё старались исполнять только по благословению — такой вот монастырь! Я часто ездил к матушке: хотелось как-то помочь, потрудиться и, конечно же, соприкоснуться душой с той необыкновенной благодатной атмосферой.

— Случалось ли Вам в те годы бывать в монастырях?

— Да. Матушка уже тогда благословляла меня ездить по монастырям. Когда на заводе мне давали отпуск, я всегда уезжал паломничать. И так в течение восьми лет. В Троице-Сергиевой Лавре у матушки был духовный сын — иеромонах (впоследствии игумен) Трифон. Когда я приезжал в Лавру, он меня поселял, знакомил с монашествующими. Что интересно: и сама обстановка, и уклад жизни — все мне было таким близким и родным, что порой возникало чувство, будто я и сам насельник обители. По молитвам матушки меня везде принимали как своего.

Из Троице-Сергиевой Лавры я ехал в Ленинград, к Ксении Блаженной, затем в Пюхтицкий женский монастырь, оттуда автобусом — до Псковского мужского монастыря, далее в Ригу, в Вильнюс, в Свято-Духов мужской монастырь, в Почаевскую Лавру. А уж после Почаева — в Тернополь, и самолетом — в Воронеж, чтобы успеть на работу. Месяца мне едва хватало.

Схимонахиня Антония (Овечкина)

— Почему?

— Потому что везде в монастырях надо было потрудиться, помочь, и работы было много. Приходилось нести разные послушания: и на просфорне, и в столярной мастерской... Помню, в Почаеве самое тяжелое послушание было доставать воду из колодца. В нем были две большие деревянные бадьи — когда одна опускалась, другую нужно было поднимать. И работа эта распределялась на двоих: один крутит, другой поднимает. А воды требовалось очень много — ее после освящали в стопочке Матери Божией и раздавали паломникам. Позже уже и мне благословили разливать воду и из самой стопочки.

Это милость Божия, потому что я простой мирской человек, а везде вместе с монашествующими: и на трапезе, и к иконе Почаевской Матери Божией прикладывался, и даже в алтаре бывал. Так потихоньку я впитывал в себя дух монашеской жизни. Такая внутренняя радость была: «Я с монахами! Это самые святые люди — это ангелы земные!»

— А когда Вы все же осознали, что тоже призваны идти путем монашеским?

— Размышлял, конечно, на эту тему, но считал, что не достоин. Решительный настрой у меня появился не сразу. Намеки, правда, были. Однажды возвращаюсь из паломничества, а схимонахиня Антония говорит своей послушнице: «Маня, а Николай-то наш!» Потом она еще не раз так говорила. А я никак не мог понять значение этих слов, все думал: «Как это «наш»? Может, просто, за эти годы стал близок им?» Но позже одна из ее послушниц мне растолковала: «Наш — значит, ты тоже будешь монахом».

— Наверное, все же наступил момент, когда в жизни начались кардинальные перемены?

— Незадолго до своей смерти матушка отправила меня к схиархимандриту Макарию (Болотову, 1932-2001). Тогда он был игумен Власий, служил в селе Бурдино Тербунского района Липецкой области. А уж там, в Бурдино, работы было много — нужно было восстанавливать храм. И работа ладилась. Интересная там была жизнь. Вокруг

церкви покупали полуразрушенные домики, восстанавливали их и там поселялись матушки-монахини. Отец Власий порой называл свой приход «глухая пустынь».

К храму была пристроена трапезная. Однажды приехали с обыском проверяющие и, насчитав в нашей трапезной 150 ложек, пришли в ужас: «Это что у вас тут, целый монастырь?» А приход этот действительно был как монастырь — туда стекалось множество народа, всех принимали, всех кормили.

Особенно много людей собиралось в Бурдино, когда из Грузии приезжали владыка Зиновий и схиархимандрит Виталий. Невозможно передать словами, какое радостное состояние было всякий раз, когда нас посещали эти старцы! Тогда, казалось, наш храм превращался из земного в небесный. Мы не ощущали ни времени, ни усталости, ни голода, ни холода. Собиралось много священников, служили, пели акафисты, совершались монашеские постриги, велись духовные беседы — и это в те годы, когда при советской власти собрания верующих были строго запрещены! Эти дни останутся в памяти на всю жизнь...

— Владыка, Вы уже упоминали о том, что встреча с отцом Виталием и владыкой Зиновием оказала огромное влияние на Вашу жизнь. А почему среди многих духовных лиц, с которыми в те дни Вам довелось встречаться в Бурдино, Ваша душа потянулась именно к этим старцам? На что так откликнулось Ваше сердце?

— Думаю, это был дух особой любви. Такая любовь была присуща им обоим. Отца Виталия и владыку Зиновия многое роднило. Я наблюдал за ними с замиранием сердца. Имея очень хрупкое, подорванное здоровье, они никогда не оставляли своего служения Богу и ближним. А ближним для них был любой, даже случайно повстречавшийся по дороге скорбящий человек. Они каждого старались как-то утешить, чем-то одарить...

Я благодарю Бога за то, что моими духовными руководителями стали эти замечательные старцы. С тех пор, как они взяли меня под свой покров, я знал, что их молитвами Господь выведет меня на путь Ему угодный.

— Вы еще продолжали работать на заводе?

— Недолго. Господь управил так, что с завода я вскоре ушел — и очень решительно. А случилось это так. Моя работа была следить за турбинами. Но, вращаясь, они издавали такой монотонный звук, что в ночную смену, даже сидя за столом, мгновенно засыпаешь. Вот я и уснул... Подходит дежурный инженер, будит меня и говорит: «Не спи». Я встал, походил, сел и опять уснул. А утром вывешивают приказ-наказание, что с меня снимается 40% премии. Обидно — ведь все же дремлют в ночную смену, а с меня премию снимают! Я и принес начальнику цеха заявление на расчет... А он мне: «Николай Иванович, да мы все уладим, деньги выплатим...» Долго заявление мое не подписывали, старались как-то сгладить ситуацию. Но я своего решения уже не изменил.

Бурдино. В центре: схиархимандрит Власий (Болотов), митрополит Зиновий (Мажуга), схиархимандрит Виталий (Сидоренко). Начало 1980-х годов.

— Как Вы думаете, это был промыслительный случай? Может, просто пришло время менять «почву»?

— Наверное, ведь у Бога ничего случайного не бывает.

И начались новые испытания. Отец Власий отправил меня в Троице-Сергиеву Лавру посту-

пать в семинарию. Сдаю вступительные экзамены. Пропел им «Плотию уснув...», молитвы прочитал, библейскую историю рассказал, а изложение подвело меня. Тема изложения была очень легкая — «Савл, Савл, что ты Меня гонишь?» — про апостола Павла, когда он, еще будучи гонителем Христа, шел в Дамаск мучить христиан. И вот, начинаю писать, а в стержне паста высохла. Что делать? Сдать листка три надо. Немножко пошла паста — написал немного, потом опять ручка еле царапает. И такие у меня каракули получились! Писанина — то жирная, то бледная. Так неопрятно вышло... Тройку поставили. Вывешивают результаты — не прошел по конкурсу. Расстроился. Значит, я не достоин! Не достоин у Престола быть! Учиться в семинарии не достоин! Все бросил и сразу на вокзал. Так и уехал...

Митрополит Зиновий (Мажуга), схиархимандрит Виталий (Сидоренко).

В сентябре поехал к отцу Власию, он говорит: «Вот, надо запасные ручки брать!» А я-то откуда знал?! Потом в Бурдино приехал отец Виталий с монахиней Марией[2]. Узнали о моей скорби, что я не прошел по конкурсу... Позже матушка Мария рассказывала мне, что отец Виталий тогда выкатал метровую свечку толщиной в руку, и возле этой свечи долго с поклонами молился (хотя в то время был очень болен).

И вдруг — чудо! Мне сообщают, что я зачислен в Одесскую духовную семинарию! Оказалось, из Троице-Сергиевой Лавры документы пяти абитуриентов, не прошедших по конкурсу, отправили в Одессу. И нас приняли. Сколько радости было! И я — скорее с этим вызовом к отцу Виталию, в Бурдино...

Никогда не забуду, как уезжал оттуда. Батюшка Виталий и мать Мария везут меня на аэродром. Самолет взлетает, трава на лугу в сторону клонится, ветер... Батюшка бежит за самолетом, машет и все показывает мне рукой вверх: «Туда! Туда!» Я тогда понял, что обращаться нужно туда — на Небо. За два часа долетел до Липецка и сразу на поезд в Одессу...

— Серьезные перемены! Говорят, что душа обретает мир тогда, когда отыщет свой путь. И этот душевный мир свидетельствует о принятой Воле Божией. Вот и в Вашей жизни начался новый этап — подготовка к пастырскому служению. Почувствовали ли Вы, что нашли свой путь?

— Да. Тогда для меня, и в самом деле, наступили самые счастливые дни — просто чудо! Все три года обучения в семинарии у меня на сердце был удивительный покой — действительно ангельское состояние! Наверное, по молитвам владыки Зиновия и отца Виталия. И с учебой, и с послушением все как-то удивительно ладилось...

Когда начались занятия, стало понятно, что тем, кто по-настоящему хочет познать богословские науки, придется потрудиться. Мне тогда было 29 лет и, вероятно, потому, что уже был достаточно взрослым, к обучению я относился серьезно. Так что, хоть и не легко приходилось, но, с Божией помощью, учился на пятерки. И так сложилось, что меньше чем через месяц после начала учебы, меня перевели с первого курса на второй. Поэтому семинарию я окончил всего за три года.

Изложения и сочинения писал очень хорошо. Хотя были и преткновения — библиотекарь, к примеру, книги мне почему-то не давала. А би-

[2] Келейница схиарх. Виталия, монахиня Мария (Дьяченко). Впоследствии схигумения Серафима († 2006).

блиотека в Одесской семинарии была огромная. Но я все равно каким-то образом умудрялся добывать нужную мне для учебы литературу — Господь помогал.

Учились петь. По-началу я пел в малом хоре. Потом на зачете надо было пропеть ирмос «Отверзу уста моя и наполнятся духом...». Вероятно, преподавателям понравилось и тогда меня перевели в большой хор. В большом хоре у меня сначала не очень-то получалось, а потом потихоньку наладилось. Слава Богу! Особенно отрадно для меня было то, что семинарский храм, в котором мы пели и служили, был освящен в честь святителя Николая. Так что мой небесный покровитель, как всегда, был рядом...

— Владыка, Одесса — самобытный курортный город: море, солнце, соленый воздух, красивая архитектура зданий, оживленная культурная жизнь — кино, театры, концерты... Не мешала ли такая обстановка Вашему духовному настрою?

— К нам иногда приезжали студенты из Троице-Сергиевой Лавры, из Ленинграда. Под впечатлением от южного города они говорили: «Вам хорошо! Вы здесь на курорте!» И, действительно, море... Но я, почему-то, даже не обращал внимание на это море. Приходил туда подышать немножко воздухом. А искупался всего несколько раз за три года.

Зато рядом с нашей семинарией находился Успенский мужской монастырь. И моя дружба с этой обителью установилась как-то сама собой. Поскольку я восемь лет проработал на ТЭЦ, то мог трудиться и как сантехник, и как котельщик, и как специалист по всем вентилям, насосам, трубам. Потому, наверное, и начали меня направлять по этому профилю в монастырь на послушание.

Какой работы там только не было: и в канализационные люки спускался, и трубы менял, и котельные восстанавливал. Работал с маслом, металлом, потому вся моя одежда была постоянно засаленной. Монашествующие меня жалели, жертвовали кто брюки, кто рубашку. Правда, недели через две новая, чистая одежда становилась такой же безнадежно грязной.

В монастыре мне довелось трудиться с послушником Геннадием. Интересный был человек — держался обособленно, жил один в угловой башне, к себе никого никогда не допускал. На тот момент он уже 15 лет был в обители, послушание нес сантехником и в кочегарке. А потому ходил такой же перепачканный. Где-то у меня фотография осталась, на которой он и я — но такие грязные! Больше там таких как мы, наверное, и не было. И вот, отец Геннадий как-то проникся ко мне и всегда звал помочь в работе. Много мы с ним потрудились. Так хорошо было.

Поручали мне и другие послушания. Например, на каникулы некоторых семинаристов оставляли охранять патриаршую дачу. Там никого не было, сад хороший, аллеи — сиреневые, жасминовые, каштановые, белые акации. Все они цвели поочередно — красота! Сначала сирень, потом все остальное... Но у меня не лежала душа что-то сторожить. Так что попросился опять к отцу Геннадию.

Помню, он даже разрешил мне сделать ремонт в башне, где жил. Икона там стояла такая закопченная, перед ней лампада с соляркой горела. Нельзя было даже понять — что за икона. Решил ремонт с нее и начать. Отмыл икону, а там великомученица Варвара с Чашей! Отец Геннадий тогда нес обет молчания. Я ему вопросы задаю, а он только «мычит» в ответ. Говорю: «Ну что ты мыкаешь, ты скажи мне!» Он смеется, но все равно мыкает. Я в его жилище все отмыл, покрасил. А потом все братия удивлялись, что отец Геннадий допустил меня в свое жилище. Оказалось, что за все 15 лет кроме меня в его башне никто больше-то и не был...

Удивительный был человек. Мог своими поступками и обличить кого-то... Молитва у него была особенная. Помню, одна женщина в монастыре ему жалуется: «Отец Геннадий, у меня ноги болят». Он мычит что-то, машет — не поймешь. А она на другой день приходит и рассказывает, что боль-то прекратилась. Он и за меня крепко молился. Говорю: «Отец Геннадий, завтра экзамены, а я с тобой тут трубами да вентилями занимаюсь...» Он в ответ засмеется, махнет рукой — иди, мол. Думаю, по его молитвам вытягивал билеты, которые знал. Всё сдавал на пятерки...

Так что и во время учебы в семинарии Господь дал мне возможность нести послушание в монашеской обители, что тогда немало подкрепило мои духовные стремления.

(Продолжение следует)

Блаженной памяти схиархимандрита Виталия посвящается

«Где любовь – там Бог»

Слово Высокопреосвященнейшего Никона, архиепископа Липецкого и Елецкого, на панихиде по схиархимандриту Виталию (Сидоренко). 30 ноября 2011 года.

Царство Небесное, место покойное схиархимандриту Виталию. Господь Бог да ублажит его, упокоит, а нас помилует, яко благ и Человеколюбец.

Прошло уже 19 лет с тех пор, как Батюшка Виталий перешел в вечность. Но воспоминания о нем настолько живы и светлы, что кажется, будто встречались мы только вчера. Невозможно забыть как, любыми путями добираясь в Тбилиси, мы всегда стремились увидеться с ним. Так хотелось скорее взять у него благословение. А какой радостью светился Батюшка, когда выходил встречать нас на ступеньки домика, в котором жил! Мы и опомниться не успевали, как с земным поклоном он кланялся нам в ноги, целовал нам руки!

Удивительный, чудный человек! Батюшка Виталий прожил недолго — всего 64 года. Но то, ***как*** он прожил свою жизнь — это что-то чудесное и удивительное. Рядом с ним даже самые трудные жизненные обстоятельства воспринимались совершенно иначе. Мы приезжали к Батюшке почти каждый месяц. И каждый раз везли с собой «багаж» — неразрешенные проблемы и тяготившие душу вопросы. Приезжаем, Батюшка благословляет нас, и всё куда-то исчезает: и душевный груз, и смущения, и скорби. А времена для верующих были крайне тяжелыми. При советской власти каждого православного священника старались привлечь на свою сторону силовые структуры: чтобы работал на них, чтобы путем доносов выявлял всех тех, кто настроен против существующего строя и так далее. Христиане преследовались за веру. Многих верующих репрессировали по обвинению в «антисоветской деятельности». А особенно сложно сохранять верность Богу и противостоять силовым структурам было тем, у кого были семьи... Потому к Батюшке за помощью ехали со всех сторон. И он всех принимал. Принимал с любовью — каждого хотел утешить, каждому отереть слезу. И не смотря на все множество болезней и на сильнейшие боли, которые сам претерпевал, он постоянно «рвался в бой»! Не жалея себя, не оставляя ни минуты свободного времени для отдыха или уединения, отец Виталий служил Богу и ближним. А сколько наших болезней он брал на себя...

Сложно представить, как много писем он получал! Батюшка всегда старался всем ответить, постоянно писал, упаковывал посылочки. Вы не думайте, что в посылках он рассылал какие-то особые материальные ценности — нет. Батюшка молился, и знал, что кому было нужно. Он рассылал

сухарики, носочки, рубашки, платочки... Платочек — чтобы слезки отереть, носочки — чтобы ножки не болели, сухарики — чтобы голодно не было, и так далее. И вот, порой получает человек, у которого ноги болят, носочки от Батюшки, надевает их, и боль уходит... По молитвам отца Виталия, благодатью Божией, разрешались все наши недоуменные вопросы и сложные жизненные ситуации, уходили скорби и болезни. А молился он непрестанно...

Все те лишения, испытания и болезни, которые выпадали на его долю, и которые он добровольно возлагал на себя, Батюшка претерпевал безропотно — ради Господа. Он мужественно переносил вражеские козни и искушения. Под силу ли кому-нибудь из нас понести такой крест, который нес отец Виталий? Долго ли мы могли просто продержаться рядом с ним, когда приезжали?

Помню, едешь в Тбилиси: «Скорей бы! Скорей бы вырваться из этого советского плена, оторваться от этих тягот, волнений и переживаний!» Приезжаешь, Батюшка благословляет нас, и все, что угнетало, мучило, давило — отходит. Такая радость! Мы блаженствуем, забываем о проблемах. Но проходит два-три дня, и начинаются другие тяготы. Ведь все существование в этом доме было посвящено непрестанному служению ближним, труду и молитве. Усвоить такой темп жизни нам было очень тяжело. Вот мы и начинали «верещать»: «Батюшка, когда благословите ехать?» — так рвались на «свободу».

Думаю, никто из нас не мог до конца осознать, насколько отец Виталий был близок к Богу. За его доступностью и простотой в обращении вряд ли кому удавалось распознать истинное величие его духа. Как много судеб он вымолил у Бога! Сколько людей обрели веру, скольким он помог устоять в скорбях и болезнях, в борьбе и испытаниях! Это были плоды его подвига, плоды его жертвенной любви.

Помню, я как-то спросил: «Батюшка, а есть ли сейчас старцы?» Отец Виталий ответил: «Есть, но по нашему неверию мы их не видим». И мне запомнился случай из жития преподобного Илариона Троекуровского, как послушник получил откровение от Бога о высоте духовной жизни своего старца. Дело было так. Однажды преподобный Иларион благословил своего келейника: «Готовься, завтра будем причащаться». Вернувшись после Богослужения и заметив особое духовное состояние последнего, старец спросил:

— Лаврентий, ты ничего особенного во время литургии не видел?

— Ой, да как же, батюшка, не видел! Я глянул на тебя, а от тебя как будто лучи идут светлые. Я и понять не мог — на Небе я или на земле...

— Да не об этом спрашиваю. Неужто больше ничего не заметил?

— Нет, батюшка.

— Ведь с нами причащалась такая красивая Госпожа — белые одеяния, голубой поясочек, на голове диадема с камнями...

Прочитав эти строки, я поразился! Оказывается, с достойными причащается Сама Матерь Божия — вот с теми старцами, которые постоянно жили в Боге, которые горели и светились Богом...

Сегодня, заново переживая в душе события тех далеких лет, когда свой путь мы совершали под покровом удивительных людей — схиархимандрита Виталия и владыки Зиновия — мне кажется странным, что тогда мы не могли понять, какие старцы своей молитвой и любовью освящали наш путь. Ведь Господь прославил их уже тогда, здесь, на земле.

Теперь я по-иному понимаю, почему так сильно переживал отец Виталий кончину владыки Зиновия. Ведь когда отпевали владыку, я впервые увидел, как Батюшка плачет — а он был человек удивительной силы воли. Он плакал над гробом святого старца — своего духовного отца. Как никто иной Батюшка понимал всю тяжесть этой потери...

А когда умер отец Виталий, на его похоронах мы были как оглушенные. Ну, разве кто-то из нас был в состоянии осознать, какой угодник Божий ушел в вечность?! Мы стояли в оцепенении. Казалось, что отец Виталий отошел только на какое-то время, а потом опять вернется к нам. И до сего времени мы никак не можем примириться с тем, что Батюшки-то среди нас уже нет...

Если бы он сейчас приехал в Задонск, то трудно представить, какое столпотворение собралось бы вокруг него! Потому что где бы он ни появлялся, люди тянулись к нему со всех сторон: и те, кто знал или слышал о нем, и просто прохожие, и калеки, и нищие — какая-то невидимая сила притягивала их. Народ сбегался к нему, и многие получали утешение: верующие брали благословение, и на душе становилось легче; неверующие получали из его рук гостинчик, и тоже отходили утешенными. Такая связь была у Батюшки с Господом, такая любовь, что благодать Божия покрывала тех, кто находился с ним рядом...

Помню, когда его привозили в Бурдино, туда направлялись толпы людей, чтобы хотя бы взять у Батюшки благословение. А что такое благословение? Через священника благословляет Сам Бог, и человек очищается, освящается, воодушевляется на подвиги. Ведь у христианина вся жизнь — подвиг. И в исполнении заповедей Божиих, и в молитве, и в посте, и в послушании — во всем подвиг, который мы стремимся совершить ради Христа. Через благословение Господь укрепляет нас на пути ко спасению.

На всяком месте, во всяком деле Батюшка учил нас ощущать присутствие Божие. Тем, кто был рядом, он постоянно напоминал:

— На все берите благословение.

И вот, мы спрашивали благословение на каждый шаг:

— Батюшка, благословите воды налить.

— Бог благословит.

— Батюшка благословите щи варить.

— Бог благословит.

— Батюшка, благословите...

Почему он нас этому учил? Чтобы целый день, чем бы мы ни занимались, в мыслях не было ничего постороннего, кроме Бога. Вот это непрестанное памятование Бога, вероятно, и освящало то место, где находился Батюшка, и тех людей, которые были рядом с ним.

Бывало, кто-то приходит к нему: «Батюшка, прости, я забыл у тебя взять благословение». Он, конечно, отчитает: «Я сколько вам говорю — везде, на всё и всегда берите благословение! Если вы дома и рядом нет батюшки, берите благословение у своих родителей. Господь благословит через родителей». Как-то он спросил нас:

— А вы целуете руку священнику, когда он благословляет?

— Целуем, Батюшка.

— А почему же родителям руки не целуете?

Так учил нас отец Виталий.

Много в памяти осталось назиданий от Батюшки. Сам он считал, что не обладает даром слова. Но когда на общей исповеди при большом стечении народа отец Виталий говорил о грехах, все начинали плакать... Так его простые слова находили отклик в душах. Он говорил, а все

стояли на коленях и, с сокрушением в сердце, плакали. Почему слова Батюшки имели такое воздействие на человеческие души? Вероятно, потому, что благодать Божия пребывала с ним постоянно.

Бывало, он читал нам поучения святых отцов. И даже если содержание было уже знакомо, то, все равно, что-то из услышанного обязательно касалось сердца каждого из нас по-новому: «Да, вот здесь я виноват, а вот в этом живу не правильно...» А порой получаешь от Батюшки письмо — он пишет: «Виталий объелся, как кабан. Виталий спит, как медведь. Виталий молиться ленивый, он правило не выполняет...», — и душой сразу ощущаешь, что Виталий тут вовсе не причем, это о моих грехах напоминает мне Батюшка.

Отец Виталий во всем и всегда полагался на Господа. И это свойство он старался развить в каждом из нас. Всем окружающим его людям он говорил: «Если бы вы имели хоть маленькое зерно веры, то скорбь никогда не одолевала бы вас». Когда многие в слезах приходили к нему: «Меня сокращают с работы... Меня муж бросил... Меня обокрали...» — Батюшка пытался объяснить: «Нужно жить с Богом! Тогда бояться будет нечего». А мы ведь всего боимся, потому что далеки от Бога и не доверяем Ему. Если же мы и молимся, то настолько рассеянно, что получается лишь чтение слов молитвы, а сердце отстоит от Господа так далеко.

Помню, когда однажды отец Виталий приехал в Бурдино, одна из монахинь, которая жила и трудилась в миру, сказала ему: «Я работаю во вторую смену допоздна. Мне очень страшно идти домой в полночь». Батюшка взял икону Пресвятой Богородицы и, читая «Богородице Дево, радуйся...», прошел весь путь от места ее работы до дома. Он всем говорил:

— Берите икону и обходите свой дом крестным ходом! Если живете в квартире, то на все четыре стороны совершайте иконой крестное знамение и читайте «Богородице Дево, радуйся...». Нужно возлагать надежду на Матерь Божию — и Она всегда будет вашей покровительницей. Ее молитвами Господь будет помогать вам.

Такой крестный ход с иконой Батюшка совершал каждый вечер в Тбилиси на улице Дидубе, где жил. Затем мы все прикладывались к этой иконочке, Батюшка благословлял нас ею, после чего ставил образок в святой угол.

Пример жизни Батюшки Виталия напитывал нас духом любви... Рядом с ним я понял: где любовь — там Бог. Потому, когда меня направили восстанавливать Задонский монастырь, мое желание было определено: «Пусть эта обитель будет обителью любви». В то время отец Виталий был еще жив и, вероятно, его молитвами мы — первые насельники — стали единой душой, единой, ради Христа сплоченной, семьей. И как прекрасно мы жили! Какая радость была, какая ревность ко Господу!

Но со временем мы начали охладевать — стали ленивыми, нерадивыми, перестали должным образом молиться, поститься, появились недовольство, праздность, уныние... И есть ли теперь в нас место любви Христовой, если, погружаясь в уныние и нерадение, мы — монашествующие — ищем утешение не в Боге, а в чем-либо извне? Ведь уловок много. Дух времени проникает в нашу жизнь, и, например, сейчас в монастыре уже слишком многих привлекают системы компьютерных технологий и интернет. Но христианской душе такие «утешения» чужеродны. Они пленяют наш разум, охлаждают в сердце веру, отягощают душу, уводят от молитвы, отворачивают от Бога... Попав в зависимость от этой диавольской системы[1], монах идет к погибели... Вероятно, если бы Батюшка был жив, он помолился бы, и здесь все эти электронные игрушки, так пагубно воздействующие на наши души, просто вышли бы из строя. Но нужно помнить, что, прежде всего, Богу дорог наш осознанный поиск правильного пути и свободный выбор...

Ведь изначально каждый, кто пришел в монастырь, имел стремление оттолкнуться от мира и его соблазнов, чтобы следовать за Христом и спасать свою душу. К сожалению, проходит время, и, через годы, смотришь и скорбишь о том, как, порой, пропадает ревность к духовной жизни, как охладевает в нас любовь к Богу! Потому, дорогие, так важно, преодолевая все испытания на жизненном пути, делать правильный выбор и

[1] По учению святых отцов, Бог – Существо мысленное, и человек – существо мысленное; и нашим умом мы или приближаемся к Богу и бываем в единении с Ним, или удаляемся от Бога и бываем пленяемы сатаной *(прим. ред.)*.

оставаться верным Христу, очищать свое сердце и хранить в нем любовь.

В святоотеческой литературе описывается такой случай. В первые века христианства, во времена Диоклетиана, между одним иеромонахом и мирским человеком-христианином было очень крепкое духовное родство — во Христе они любили друг друга как родные братья. Диавол позавидовал такой любви и посеял между ними раздор. Не сумев примириться, они возненавидели друг друга до такой степени, что при встрече отворачивались.

Однажды гонители христиан схватили иеромонаха и потребовали, чтобы тот отрекся от Христа. Но он устоял и был подвергнут страшным пыткам и мукам. Когда об этом узнал мирянин, он поспешил к своему измученному брату и со слезами на глазах упал ему в ноги: «Прости меня, ради Бога!» — но мученик отвернулся от него... Тогда мирянин забежал за ним на эшафот и опять умолял: «Прости меня!» — но не был прощен. И вдруг, как будто очнувшись и осмотревшись вокруг, иеромонах в недоумении спросил мучителей:

— Что вы делаете?

Ему говорят:

— Сейчас ты будешь казнен.

— За что?

— За то, что не отрекся от Христа и христиан.

— Да я их ненавижу — ваших христиан!

Тогда подошел этот мирской человек и говорит:

— Я — христианин. Казните меня..., — и принял мученическую кончину за Христа.

Вспоминая этот случай, нам нужно еще раз уяснить, что «...Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (Иак 4:6). А без благодати Божией ни один подвиг не будет нам под силу.

Так что же сказать о состоянии нашего духа? Мы живем в монастыре, носим монашескую одежду, а в душе зачастую — страшная гордыня, немилосердие, озлобление, нелюбовь... И если уже сегодня своим охлаждением в вере и нелюбовью мы отошли от Бога, то зря надеемся, что ***вдруг*** станем верными Ему и устоим до конца, когда придет время пострадать за Христа. Если в сердце нет любви — его заполняет злоба. И тогда сам дьявол управляет им. Он может позволить гордому человеку претерпеть какие-то муки, но, в конечном итоге, все равно заставит отречься от Бога. А потому, дорогие, будем помнить, что конечный итог нашей жизни будет зависеть от того, насколько мы искореним в себе зло и научимся любить Господа и наших ближних.

Действительно, сегодня нам очень не хватает отца Виталия. Как необходимы были бы нам его совет, его слово! Спросить бы: «Батюшка, а что нас ждет дальше?..» Хотя еще в свое время он нам говорил: «Если хочешь спасения, что бы ни было — все претерпевай ради Христа...», — и эти слова он подтвердил подвигом своей жизни.

А потому, давайте не будем забывать о личном примере отца Виталия. Его жизнь — живая проповедь Евангелия. С юных лет всем своим существом он устремился за Христом. И уже тогда враг ополчился на него... Прежде, чем мы узнали Батюшку, он много странствовал. Его постоянно преследовала милиция и агрессивно настроенные против верующих люди. Его бросали в тюрьмы, избивали, но он безропотно, без осуждения претерпевал все побои, унижения, поношения, издевательства. В горниле таких испытаний, Господь закалял его душу. Никто и ничто не могло пошатнуть его веру или умалить в нем любовь. Никто не мог остановить его на пути ко Христу... Пришло время, и он повел ко спасению и нас, воспитывая наши сердца. Духовного наследия, которое оставил нам Батюшка Виталий, вполне достаточно, чтобы, вспоминая его жизнь, знать, как устоять в верности и любви к Богу.

Помню, как отец Виталий сказал мне: «Отец Никон, за вашу обитель у меня всегда горит свеча...» А потому, дорогие, будем помнить, что и сегодня в Небесных обителях Батюшка предстоит пред Богом в молитве за нас. Давайте пересмотрим нашу духовную жизнь, наше отношение к Богу и ближним, чтобы своей жизнью не огорчать Батюшку, и его молитвами стать достойными чадами Христа.

Я благодарю всех вас за вашу любовь к нашему духовному отцу и удивительному старцу — схиархимандриту Виталию, за то, что собрались сегодня молитвенно почтить его память.

Царствие Небесное, место покойное схиархимандриту Виталию.

Господь Бог да ублажит его, а нас помилует, яко благ и Человеколюбец.

Аминь.

«ТЕРПЯЩЕ ДРУГ ДРУГА ЛЮБОВИЮ»[1]

Часть 3

Вопрос: *Плачущим мы сострадаем и просящих понимаем, что им нужно чем-то помочь, и к болящим проявляем участие, насколько нас хватает, и все понимают, что это – милосердие. А как же должно проявляться милосердие по отношению к врагам?*

Ответ: В прощении оскорбителям милосердие проявляется самым благородным образом. Как у преподобного Серафима к разбойникам, избившим и покалечившим его, чувство милосердия вытеснило чувство справедливого негодования. Если бы он не просил за них, то с ними поступили бы по справедливости, потому что преступники должны быть наказаны. Но преподобный проявил милость. Он просил наместника монастыря, чтобы эти люди не были наказаны, предстательствуя, и даже настаивая, чтобы их простили.

Чрез горнило испытания оскорблениями проходят все, даже святые. Но святые поступали милостиво из подражания Христу, а нам, еще не достигшим такой меры, более свойственно проявлять милость, памятуя Его слова: *«Какою мерою мерите, такою возмерится вам»* (Мф 7:2). И рассуждать так: «Поскольку я сам ежедневно оскорбляю Бога своими грехами, то не желаю, чтобы и мой оскорбитель из-за меня как-то пострадал», – молясь о нем: «Господи, я ему все прощаю, и Ты помилуй и прости».

[1] Еф 4:2

Чтобы глубже понять качество милосердия, нужно обратиться к Библии. Пророки говорили о милосердии как о главном пункте в отношении Бога к своему народу. Богоизбранный народ заключил с Богом завет, то есть договор. Но этот завет народом почти сразу же был нарушен, тогда как Господь остался верен словам своего договора. И когда Израиль превозносился тем, что он – народ Завета, народ Божий, который Бог просто обязан хранить, то пророки напоминали ему о его преступлениях. И говорили о том, что Бог этому народу уже ничем не обязан, и им, как нарушителям договора, единственное, на что можно надеяться – только на милосердие Божие.

В Новом Завете Христос уже прямо говорит о том, что милосердие – это то качество души, которым мы можем уподобиться Отцу Небесному: *«Но вы любите врагов ваших, и благотворите, и взаймы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда великая, и будете сынами Всевышнего; ибо Он благ и к неблагодарным и злым. Итак, будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд»* (Лк 6:35-36). Поэтому и подавая милостыню, и ухаживая за больными, и сострадая ближним, мы, конечно же, проявляем милосердие.

Но нищему мы даем только деньги и, чаще всего, это не требует от нас особых духовных усилий. А больные, за которыми мы ухаживаем, или ближние, которым мы сострадаем, чаще всего приходятся нам близкими людьми. Мы и сами им чем-то обязаны, и тогда мы только выполняем свой долг. Но когда мы прощаем своему обидчику его вину и еще как-то ему благотворим – деньгами, состраданием или участием – вот тогда мы начинаем более полно по-христиански проявлять милосердие.

Если мы накормили больного, посетили в больнице или темнице, то прошли самые первые ступеньки, и это – христианский минимум, за который христианская душа может быть помилована.

Святитель Иоанн Златоуст в своем «Толковании на Евангелие от Матфея», начиная с 39 стиха 5-й главы находит девять ступеней христианского совершенствования, по которым Спаситель возводит нас все выше и выше – «на самый верх добродетелей»[2].

Перечитай Нагорную проповедь в Евангелии, где Спаситель говорит: *«И кто захочет судиться с тобою, и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю*

[2] «Первая ступень – не начинать обиды; вторая, когда она уже причинена, не воздавать равным злом обидевшему; третья – не только не делать обижающему того, что ты потерпел от него, но и оставаться спокойным; четвертая – предоставлять себя самого злостраданию; пятая – отдавать более, нежели сколько хочет взять причиняющий обиду; шестая – не питать к нему ненависти; седьмая – даже любить его; восьмая – благодетельствовать ему; девятая – молиться о нем Богу».

одежду» (Мф 5:40). *«Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся»*. А уже в 43-м стихе говорится: *«Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего, и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас»*. Начертав такие высокие степени христианского совершенства, Спаситель приравнивает теперь их к сынам Отца Своего Небесного: *«Да будете сынами Отца вашего Небесного»*, – и они должны поступать так, как делает их Отец, подражать Ему. А *«...Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных»* (Мф 5:45).

Конечно же, мы не можем повелевать солнцу или дождю, но мы можем повелевать своему произволению, испрашивая милости: *«Господи, не поставь им во грех то, что они делают, или говорят против меня, вмени им это в добродетель и назначь из вечных Своих сокровищ обильные награды»*. Так молился о своих врагах святитель Игнатий Брянчанинов. И при нашем желании, начиная с меньшего и восходя к большему, мы сможем воспитать в себе такое благое расположение и даже милостивое сердце, хотя бы сейчас мы думали, что для нас это – недосягаемая мера добродетели.

В милостивом сердце заключается и снисходительность, и сострадание, и жалость, и прощение, и вне такого расположения сердца любовь не состоится. Добродетель милосердия – высшая в ряду других, и кто исполняет заповедь о любви и милосердии: *«Любите врагов ваших»* (Мф 5:44), тот исполняет весь христианский закон, как и Нагорная проповедь Христа, указывая на это совершенство христианской жизни, заканчивается словами: *«Да будете совершенны, как совершен Отец ваш Небесный»*.

Вопрос: *Но как быть, если обидчик не просит у меня прощения или просит его только формально, и вовсе не нуждается ни в какой моей помощи?*

Ответ: Тогда нужно простить его в своей душе как бы заранее и быть готовым показать ему свое прощение тогда, когда он будет в этом нуждаться. Как если бы мы захотели подать милостыню нищему, то заранее должны были бы позаботиться, чтобы у нас в кармане были деньги. Так и прощение должно быть всегда готовым в нашем сердце, чтобы мы всегда могли его проявить.

Рассказывала раба Божия М., у которой начальница отличалась сложным характером, и все сотрудники на нее обижались. Даже в коллективе утвердилось такое мнение, будто бы она получает «садистское» удовольствие, когда, унижая кого-нибудь, любуется тем, как человек «выходит из себя», а сделать ничего не смеет, боясь потерять работу. Как христианка, М. уже давно пыталась настроить себя на доброе отношение к такой своей начальнице, и Господь, услышав ее молитвы, послал ей благой помысел.

Однажды в храме М., проходя мимо, задела прихожанку, а та обрушилась на нее с гневным оскорблением. Оказалось, что за время службы она толкнула ее уже второй раз, но в первый раз даже не заметила. Попросив прощения, в смущении М. отошла в сторонку и задумалась. Причиной того, что она так «задевала» все и всех вокруг себя, были ее резко увеличившиеся «габариты» (она поправилась более чем на 25 кг). И теперь стала такой неуклюжей, что или подсвечник на ее пути зашатается, или зацепит и порвет одежду. Или вот так, как с этой прихожанкой, даже толкнет, хотя ей показалось, что только легонько ее задела. А та на нее в злобе накинулась чуть ли не с бранными словами... И тут она представила на своем месте начальницу, которая всех «задевает»: «У нее же тоже «габариты» и неуклюжесть, а мы все на нее злимся!..» После этого случая, когда у нее на работе случались какие-то шероховатости с начальницей и хотелось даже дать волю гневу, то М. вспоминала о своих «габаритах» и мысленно улыбалась. Начальница заметила такую перемену, потому что, вызывая у всех раздражение и неприязнь, она столкнулась с неожиданно добрым к себе расположением... И вскоре их отношения наладились.

Так что если мы в своем сердце уже имеем в залоге доброе расположение и прощение чьих-то

«неуклюжестей» и «габаритов», то это благое расположение хранит в мире наши души и распространяется на всех вокруг нас. Ведь не напрасно и не исключительно для великих подвижников и молитвенников преподобный Серафим сказал: *«Чадо, стяжи дух мирен, и вокруг тебя спасутся тысячи»*. Поэтому каждому из нас нужно стараться приобретать мирное расположение ко всем людям, несмотря на их «габариты».

Вопрос: *Нет ли в таком подходе какой-то искусственности? Мы же не знаем, а может быть эта начальница действительно злобненькая? И вот ее признали госпожой, а именно этого она от всех и добивалась? Тогда ваш совет похож на выработку рабской психологии: «Если хочешь жить в согласии – соглашайся». И до каких пор соглашаться?*

Ответ: Она злобненькая сегодня, а я была вчера, и меня тоже кто-то терпит. Мы все составляем тяготу друг для друга, хотим этого или не хотим. Как я общался с одной матушкой, которая была очень раздражительной, и у меня даже возникал на нее внутренний ропот: «Зачем же она кричит по таким пустякам?» А потом оказалось, что из-за заболевания почек у нее был повышенный азот в крови, потому она никак не могла себя сдерживать. Так что причин к раздражительности и другому «тяжелому» поведению может быть много. Да и мы сами все равно бываем кому-то в тягость. Потому я терплю кого-то, а он терпит меня, и это – непременное условие, как бы догмат христианского сожительства: *«Друг друга тяготы носите и тако исполните закон Христов»* (Гал 6:2).

И здесь нет никакой искусственности, а происходит переход от плотского образа мысли к духовному, которому учит нас Дух Святый. Ведь у нас всех, без исключения, есть свои немощи и тяготы. И вырабатывается не рабская психология, а по-христиански доброе, сочувственное, милостивое восприятие ближних.

А по поводу твоего вопроса *«до каких пор соглашаться»*, нам действительно нужно рассудить. Потому, если бы начальница потребовала украсть или обмануть, другими словами, если бы ее требование каким-то образом стало противоречить заповеди Божией, то соглашаться было бы уже недопустимо.

Вопрос: *Наверное, у меня сказывается советское воспитание, когда нас учили, что все равны. А сейчас каждый «норовит» быть начальничком, или господином, в общем «шишкой на ровном месте», и ищет к этому любую возможность. Потому на подобное поведение возникает чувство протеста.*

Ответ: Такое разделение и «неравноправие» было во все времена, в том числе и в советском обществе. Так, к примеру, начальник смены пришел и кричит на подчиненных, а они уже знают: «Он только что вышел от главного, получил «втык», и вот сейчас все это изливает на нас. Ну, пусть выкричится – потерпим благодушно и все будет хорошо». Так что эта психология быть на какой-то час начальником или господином была всегда во всех слоях общества. Или если муж приходит домой, как говорят «раздерганный», потому что на работе у него неприятности, то зачастую он изливает свое негодование на жену или на детей. И благоразумная мама предупреждает детей: «Папа не в духе, так что – молчите». А он покричал-покричал, потом отдохнул, хорошо покушал, попил чайку, успокоился, расслабился и все пошло своим чередом... Но если кто-то не потерпел этой человеческой слабости, а решил дать решительный отпор такому возмутительному поведению «начальника» – иногда разыгрывается настоящая трагедия.

Вопрос: *Но все равно трудно сразу отказаться от внушенного в советское время мнения, что «Церковь воспитывает рабскую психологию» и в подобных ситуациях внутренне противлюсь: «не делайте из меня рабу или служанку».*

Ответ: Таким протестом болеют многие, но, если говорить о Церкви, то она на самом деле воспитывает человека в духе свободы, как сказал Сам Христос: *«Аще убо Сын вы свободит, воистинну свободни будете»* (Ин 8:36), или как сказано у апостола Павла: *«Не делайтесь рабами человеков»* (1Кор 7:23). То есть мы призваны к свободе, которая освобождает нас от рабства греха и от рабства людям, которые ведут нас к какому-либо греху.

Но в то же время Церковь, вступая в общение с людьми, призывает оказывать им по-

виновение в добрых делах, *«повинуясь друг другу в страхе Божии»* (Еф 5:21) по заповеди. А это значит, что в духе заповедей Христовых мы действительно бываем в какой-то ситуации или на какое-то время слугами или рабами.

Повиноваться же друг другу мы должны не только в силу обстоятельств и обязанностей повиновения, но лучше по произволению, когда по заповеди: *«Больший из вас, да будет вам слуга»* (Мф 23:11) мы желаем быть меньшими. И без такого расположения души невозможно ее вечное блаженство. Об этом писал преподобный старец Силуан, что в Царстве Небесном праведники от смирения Христова будут рады видеть, что ближний в большей славе, чести и блаженстве.

Но когда от христианина, который живет и действует как раб Христов, требуется нарушить Божию заповедь, то этот раб становится господином своего господина, то есть оказывает ему неповиновение, как оказали рыбаки-апостолы неповиновение священному синедриону.

Вопрос: *Если все-таки в силу обстоятельств оказываешься в каком-то зависимом положении: например, тебя используют как служанку, а ты озлобляешься, – то как правильно по-христиански себя настроить без «рабской психологии?»*

Ответ: Христианам, и в частности рабам, апостол Павел заповедует: *«Раби, повинуйтеся во всяцем страсе владыкам, не токмо благим и кротким, но и строптивым»* (1Пет 2:18). Так что настоящие рабы, которые повинуются своим господам ради исполнения этой заповеди, служат Христу. И если ради Христа терпят несправедливость, жестокость, изнурительный труд или любые другие тяжелые жизненные условия, то этим они спасаются. Потому что такими условиями жизни они уподобляются мученикам.

К сожалению, в советское время были потеряны многие христианские понятия или произошла их подмена. О смиренном человеке чаще всего думают, что смиренный – это униженное, поломанное, безвольное, или, как говорят «бесхребетное» существо. На самом же деле, смиренный христианин – это твердая благоразумная личность, с доверием воспринимающая совершающийся над ней Премудрый и Всеблагой Промысл Божий, спасающий ее Своими благими судьбами.

А кому не хочется быть ни рабой, ни служанкой – полезно вспомнить жизнь Пресвятой Богородицы. Как Она, будучи свободной и происходя от рода царя Давида, желала быть рабой той матери, от которой родится Мессия. Такое ее смирение привлекло благодать Святаго Духа, соделавши Ее Честнейшею Херувим и Славнейшею без сравнения Серафим. И на ней исполнились слова Христовы: *«Всяк смиряяй себе вознесется»* (Лк 14:11). Одним словом, кто смущен боязнью рабской психологии в нашей Церкви, мне кажется достаточно вспомнить слова, изреченные Девой Марией: *«Се раба Господня, буди мне по глаголу твоему»* (Лк 1:38). И эта Раба Господня ныне – Царица ангелов, как сказано: *«Предста Царица одесную Тебе в ризах позлащенных...»* (Пс 44:10).

Как видишь, Церковь учит смирению, возвышающему и обоготворяющему человека, а не безрассудному рабскому человекоугодию. Потому, когда мы смиряемся перед самозванными господами (а это значит, что мирно, по-христиански терпеливо реагируем на проявление человеческой злобы или жестокости), то не становимся презренными рабами, а наоборот побеждаем эту злобу, возвышаясь духовно и уподобляясь Христу, преобразуясь в новую тварь Духом Святым.

Вопрос: *Тот, кто унижает себя, будет возвышен? Почему?*

Ответ: Потому что он находится в правильном устроении, его можно возвысить, ему можно дать власть. Это можно понять из евангельской притчи. Тот раб, который оказался верным господину в умножении талантов, получил власть над десятью городами (См. Лк 19:12,26), потому что проявил себя истинным рабом Божиим, то есть послушным Ему во всем, чем и определяется высокое и почетное наименование «раба Божьего» (в старину, кстати, довольно редко удостаивали такого наименования). Раб Божий полностью доверяет себя Богу, служит Ему и согласен исполнять Его волю в любых жизненных обстоятельствах – в уничижении, страдании, и даже мучении. И этим он чтит Бога как Бога, этим он проявляет свое благоразумие и показывает, что его можно возвысить. И можно дать какую-то власть, которая ему не повредит, потому что он не применит ее во вред себе или другим.

А если человек гордостный и самонадеянный – ему нельзя давать власть, потому что он эту власть и связанные с ней возможности рано или поздно направит против себя, а потом повредит и всем окружающим. Недопустимо давать власть, потому что он превознесется и повторит ошибку Денницы, который возгордился своим превосходством над всем ангельским миром. Он был «Люцифер», то есть «свет несущий» всем ангельским силам, но возгордился: «Какой я совершенный! Почему я не такой как Бог?» Вот так и всякий человек, который доволен собой, становится похожим на Люцифера, потому и сказано: *«Аз рех: бози есте, сынове Вышняго вси. Вы же яко человецы умираете, яко един от князей [ангельских] падаете»* [в гордость, самомнение, превознощение и противление Богу] (Пс 81:6). Потому гордому человеку опасно возвышение, власть и расширение возможностей.

(Продолжение следует)

«Боже, будь со мною!»

Протоиерей Михаил Труханов

Время гонений на Церковь в советский период сегодня принято сравнивать с раннехристианскими событиями церковной истории. Но масштабы богоборческого наступления на Христову веру при большевиках были иные, неизмеримо большие. Это был период жесточайших массовых репрессий – в обществе повсеместно гнездились страх и отчаяние...

Иначе ощущали себя только верные Христу. Страх Божий, трезвость [духовная бдительность] и сосредоточенность, молитва и упование на Бога ограждали православных от уныния, отчаяния и растерянности. Избранным Своим – сердцам искренним и мужественным, всецело доверяющим Господу, неотступно и безусловно верующим в Любовь и Промысел Его, был дарован путь исповедничества и мученичества за Христа – чтобы явилась на них Слава Божия в укрепление веры и проповедь Истины как их современникам, так и нам – их потомкам...

Протоиерей Михаил Труханов (1916 - 2006 гг.) один из тех, чей земной путь – живая проповедь: проповедь несокрушимой веры и преданности воле Божией, проповедь веры в Его всегдашнее милосердие. Батюшка вспоминал: «Когда не было опоры человеческой, когда никто, казалось, мне не поможет, я говорил в своем сердце: «Боже, будь со мною!» И Господь сейчас же откликался на мою молитвенную просьбу...»

...Всю свою жизнь отец Михаил нес глубоко в сердце такую любовь ко Творцу, которая может быть дарована только Самим Богом и дана избранным Его[1] за их решимость свято верить и жить по евангельскому Слову.

Глава 3[2]

Страх Божий и стремление устроять жизнь по Евангелию Христову Господь даровал Михаилу еще в юности

В 1930 году мною была окончена школа восьмилетка. Больше мне не пришлось учиться в школе. С таким-то восьмилетним образованием я осенью 1937 года и поступил в институт. Впрочем, при поступлении в институт мною к заявлению было приложено удостоверение о сдаче экстерном экзаменов за десятилетку.

Чтобы продолжать учиться, я должен был распрощаться с родителями и уехать в Ташкент. Благословляя меня на отъезд, отец говорил: «Мы – бедны, потому и тебе в дорогу ничего не даем, кроме хлеба и трешки денег». Затем отец вручил мне Святое Евангелие со словами:

[1] Речь идет о тех, кто избирает верность Богу.

[2] Печатается в сокращении на основе книги протоиерея Михаила (Труханова) «Воспоминания: первые сорок лет моей жизни» и отдельных воспоминаний келейницы старца В. А. Звонковой http:// www.omlhall.ru.

«Читай, размышляй и исполняй! Тогда Господь будет с тобою, и тогда у тебя будет все, что Ему угодно». Прощальное благословение своего отца, протоиерея Василия, батюшка хранил в сердце всю жизнь.

Поначалу я стал учиться на курсах чертежников-картографов, далее мне пришлось устроиться на работу учеником (по малолетству), чтобы иметь потребные для жизни средства. Жить стал, снимая углы в квартирах у разных хозяек. Мальчишка я был любознательный: учился сначала на одних производственных курсах, потом на других. Питался по столовкам (тогда по специальным прикреплениям, по карточкам, либо как «общий», либо как «ИТР» – инженерно-технический работник). Дома, т.е. в местах квартирования, никогда даже чая не пил. Снимая «угол», принимал условия хозяйки – не пользоваться керосинкой. Мыться и стирать свое белье ходил в баню (зимой) и в душевую (летом), которая находилась на базаре.

В Ташкенте я работал в тресте Геодезии, астрономии и картографии. Освоив навыки фотограмметриста, я в летние сезоны побывал в четырех комплексных экспедициях (1934–1937). Читал много, но бессистемно: то, что попадалось.

Во всех продолжительных поездках, связанных с работой, всегда имел при себе Новый Завет, который мною читался регулярно. В год смотрел 2-3 кинофильма и то после уговоров своих старших товарищей (верующих), что они сами видели фильм и можно его смотреть. Ни в каких вечеринках, пирушках с винопитием и в компаниях с женщинами никогда не участвовал, и никаких отдельных встреч с особами женского пола не имел. Бывали и плотские искушения, и соблазны со стороны сотрудниц в экспедиционных условиях, но, слава Богу, они все побеждались мною памятованием страха Господня и слов Писания.

К этому следует добавить всегдашнюю занятость на производстве и суету дел по жизнеобеспечению своего бытия, оставлявших мало времени для праздности и отдыха.

Благодарю Бога за Его любящее промыслительное водительство меня в отроческие и юношеские годы, вложившего в мое сердце страх Божий и стремление устроять жизнь по Евангелию Христову в Церкви Православной.

* * *

Получив отпуск на работе в Ташкенте, я в сентябре 1932 года приехал к родителям в Туркестан. Отец служил в Никольском храме, и я, конечно, за каждой его службой бывал в храме, прислуживая в алтаре.

Как-то, захватив Евангелие, я отправился на кладбище, бывшее на окраине пристанционного поселка Борисовка. Песчаная местность, редкие холмики могилок с крестами... Никого в обозримом пространстве. День был солнечный, небо – безоблачное, тишина... и в этой тишине пустынной я вдруг почувствовал присутствие совсем рядом с собою Невидимого, но прямо-таки ощущаемого Господа. Боясь Его удаления, я торопливо стал молиться:

«Господи! Помилуй, прости и спаси меня.

Господи! Я хочу быть рабом Твоим. Прости все мои грехи и сделай так, чтобы я Твоим был. Господи! Будь со мною всегда!»

После такой вот молитовки мне стало радостно как-то. Так хорошо мне стало, я опустился коленями на песок. Охватившая меня радость была так велика, что я даже заплакал. Так хорошо! Так прекрасно!

Около часа я просидел здесь, наслаждаясь удивительной, тихой радостью.

Придя домой, я сразу же записал на последней странице Евангелия: «7 сентября 1932 года в пустынной местности я был близ Бога».

* * *

Весною 1937 года в аэрофотосъемочной экспедиции в Кызылкумах, базировавшейся в городке Тамдыбулаке, мне довелось работать вместе с молодым инженером Леонидом. Узнав, что я исполняю работу инженера без должного образования, он советовал бросить работу и обязательно поступить учиться в тот же институт. Мои доводы о том, что у меня нет аттестата за среднюю школу, его не остановили; он вскоре связался с дирекцией местной средней школы и добился того, чтобы я сдал экзамены за десятилетку в порядке экстерна. Экзамены были сданы, и я направил заявление о принятии на первый курс института с при-

Благодарю Бога за Его любящее промыслительное водительство меня в отроческие и юношеские годы, вложившего в мое сердце страх Божий и стремление устроять жизнь по Евангелию Христову в Церкви Православной.

ложением трудовой характеристики, выданной главным инженером треста Александром Никаноровичем Нечипоренко.

Получив вызов явиться на вступительные экзамены, я поездом из Ташкента выехал в Москву. В Туркестане была сделана остановка для двухдневной встречи с родителями. 21 июля 1937 года я распрощался (навсегда!) с отцом, который в тот же день отбыл в Алма-Ату для продолжения своего служения в соборе, так как в Туркестане храм к тому времени был уже закрыт.

До поздней осени 1937 года отец Михаила, протоиерей Василий Труханов, служил в соборе Алма-Аты. 10 ноября весь штат соборного духовенства, начиная от владыки и кончая диаконом, был арестован, а впоследствии отправлен на Колыму. Оттуда возвратился живым один протодиакон, рассказавший, что владыка и мой отец были дневальными в двух секциях одного и того же жилого барака; они умерли от дизентерии на одной неделе осенью 1938 года.

За несколько дней до своего ареста отец прислал сыну Михаилу письмо. Оно стало прощальным: «Я не знаю, чем тебе заниматься в жизни, но только знай – я тебя благословляю семикратно на каждый день». Путь к горячей и твердой вере у о. Михаила был продолжением исповедничества и мученичества за веру протоиерея Василия Труханова. Сам батюшка не раз подчеркивал значение отца в своем духовном становлении, и даже в том, как складывались обстоятельства его жизни, он видел молитвенное водительство своего родителя.

* * *

С тревогой ехал я в Москву, сознавая явную недостаточность элементарных знаний, определяемых школьной программой. И только напутственное благословение отца и его всегдашняя похвала моей «разумности» придавали мне некоторую бодрую уверенность, конечно, ничем объективно не подтверждаемую.

В Москве мне было удобно посещать богослужения в храмах. Богоявленский собор находился совсем близко от института; Воскресенский храм (в Сокольниках) был удобен тем, что весь день открыт для молящихся. Особенно часто я бывал именно в этих храмах – даже в будничные дни. Бывал я у Пимена Великого, у свт. Николая в Кузнецах и в Вишняках.

В Воскресенском храме слева, перед Распятием, 4 августа 1937 я молился о даровании мне мудрости, чтобы преуспевать в науках:

«Господи, Иисусе Христе!

Ниспосли мне в сердце крупицу мудрости Твоей, во славу Твою. Я же все, досель мне дорогое в мире – удобства жизни, мирские привязанности, ласки родных – оставлю здесь, у подножия Креста Твоего. Да буду впредь я одиноким в мире – Тебя лишь одного Отцом, Наставником имея в нем. Пусть средь невзгод, лишений постоянных – мне будет радостью жизнь в любви Твоей большой, познанье истины Твоей единой и воли Твоей всеблагой.

«Господи,Иисусе Христе!Ниспосли мне в сердце крупицу мудрости Твоей,во славу Твою. Я же все,досель мне дорогое в мире – удобства жизни,мирские привязанности,ласки родных – оставлю здесь,у подножия Креста Твоего. Да буду впредь я одиноким в мире – Тебя лишь одного Отцом,Наставником имея в нем...»

Боже! Ты знаешь искренность мою и веру во всемогущество Твое. Благослови мою новую жизнь, благослови мои желания».

* * *

На первом вступительном экзамене по математике я провалился: получил двойку. Уже вечером, когда я проходил мимо стола, за которым сидел секретарь приемной комиссии, мне было предложено «забрать документы». Это повторилось на следующий день с добавлением: «После двойки, полученной на экзамене по математике, вас все равно не примут в институт». На что я робко, но твердо сказал секретарю: «Я не затем проехал три с половиной тысячи километров, чтобы после полученной двойки возвращаться назад». «Дело ваше, но вас к учебе не допустят. Советую сейчас же забрать документы, чтобы вы еще могли успеть в каком-то другом институте держать экзамены».

Я отправился в храм и еще настойчивей (с обетом: «пусть за слово Твое я изгнанником стану в Сибири») молился – просил Господа дозволить мне «хоть три-четыре года здесь побыть, чтоб заложить основы знаний истины Твоей единой». *«Боже! Вчера Ты мне ответил «нет». А я сегодня о том же вновь молить Тебя дерзаю: благослови мои желания и дозволь мне хоть три-четыре года здесь побыть, чтоб заложить основы знаний истины Твоей единой.*

Пусть за слово Твое изгнанником стану в Сибири; пусть жизнь мирская будет безрадостна мне – только не лиши меня радости пребывания в любви и познания Тебя, Бога моего и Владыки.

Боже, Отче! Во имя Господа нашего Иисуса Христа благослови мои желания и все устрой во благо мне, во славу Отчую Твою». Стоит заметить, как точно Господь исполнил мою тогдашнюю молитву: ведь именно «три-четыре года» (25.VII.1937 – 25.II.1941, то есть три года и семь месяцев) пробыл я «здесь», пока меня не взяли в звании заключенного, прописав в ГУЛАГе.

* * *

Вернувшись в институт из храма, сразу же обратился к секретарю с просьбой, – не может ли ректор принять меня по личному вопросу? Через несколько минут я оказался в кабинете ректора. Профессор Абрам Иванович Мазмишвили, выслушав сообщение о двойке по математике, стал рассуждать вслух: «Что же делать-то теперь? Пересдавать запрещается: только что опубликовано распоряжение по высшей школе, чтобы не допускать никаких переэкзаменовок...» И раскрыв папку с документами получивших двойки, нашел мое дело.

– У вас пять лет стажа работы в тресте астрономии, геодезии и аэрофотосъемки... Да... А скажи... что еще завалишь?

– Язык, немецкий...

– Тогда вот что, слушай: я иду на преступление – разрешу тебе пересдать математику. Если завалишь вторично – не приходи ко мне; если за математику получишь хотя бы тройку, тогда сдавай все другие предметы; зачислим тебя на первый курс. Но при таком вот условии: обещай мне сейчас же, по-солдатски, что за все время обучения будешь сереньким студентом института, чтобы от тебя не слышал я никогда никаких просьб – ни о пересдаче зачетов и экзаменов, ни о стипендии. Итак, даешь такое обещание? Говори!

Держа руки по швам, я пролепетал: «Обещаю быть во все время обучения в Вашем институте сереньким студентом, ни с какими просьбами к Вам не буду обращаться».

Далее ректор говорит: «Помни, что сейчас обещал мне. Теперь я вызываю профессора (зав. кафедрой высшей математики), пойдешь сдавать экзамен».

Через полчаса я сидел за одним столом с Михаилом Николаевичем. Он более часа меня экзаменовал; в результате, на листе с моими ответами написал по диагонали «посредственно».

Успешно сданы экзамены: физика – 3, химия – 4, литература и русский язык –5. Прихожу сдавать последний вступительный экзамен по немецкому языку. Экзаменуют двое: пожилая особа с молодой ассистенткой.

Старшая дает мне раскрытую книжку на немецком языке. Показывает какой-то абзац и что-то говорит по-немецки.

Я отвечаю:

– Что я должен сделать?

Она опять что-то говорит по-немецки.

Я вновь спрашиваю:

– Что от меня требуется?

Тогда она уже по-русски:

– Я же дважды сказала – прочтите, переведите и грамматически разберите этот отрывок.

– Но, – отвечаю, – кроме алфавита, я ничего не знаю по-немецки; никогда его не учил.

– Как же вы пришли сдавать экзамен по языку, если вы никогда его не учили? Я вам ставлю двойку, – берет мой экзаменационный листок и записывает «два».

– Хорошо, – говорю я.

Она ворчливо, обращаясь к ассистентке: «Странные пошли нынче абитуриенты. Я ему говорю – «ставлю двойку», а он спокойно отвечает – «хорошо». Разумеется, я не открыл экзаменатору свою договоренность с ректором о предстоящем провале по языку.

Взяв из рук экзаменатора свой листок, я поспешно вышел из аудитории. 25 августа 1937 года приказом ректора я был зачислен студентом первого курса аэрофотосъемочного факультета.

* * *

В 1956 году, спустя пятнадцать лет, возвратившись из «мест не столь отдаленных», зашел в свой институт. Встретил декана и показал справку о полной реабилитации. От него услышал, что после моего ареста, на партийном собрании их «призывали к большевистской бдительности и упрекали за неразоблачение вовремя врага народа – студента Т., имевшего прямую связь с Ватиканом». Декан с радостью повел меня в директорскую. Там после восторженных «узнаваний» бывшего студента было принято решение – продолжить мое обучение в институте на последних двух курсах. Так в свои сорок лет я вновь сел за студенческую парту...

* * *

Будучи студентом, я регулярно по воскресным и праздничным дням посещал богослужения, исповедовался и причащался в разных московских храмах. В будничные дни обычно

бывал в Воскресенском храме (что в Сокольниках) – в дневное время тогда он всегда бывал открыт. С 1939 года чаще всего стал причащаться в храме свт. Николая (в Кузнецах), где настоятелем был отец Александр[3].

Как-то во время моей исповеди о. Александр проявил ко мне особое внимание. Узнав, что я студент, пригласил после службы к себе в комнату при храме – на стакан чая. Поднявшись по лестнице, о. Александр представил меня своей домработнице и распорядился накормить меня «как следует», а сам ушел в храм.

В комнате вдоль стен стояли шкафы с множеством книг. Меня пригласили к столу, и я принялся за обед. Когда примерно через полчаса о. Александр вновь появился в комнате, я после сытного обеда уплетал мороженое с клубникой. И потом всякий раз, когда я приходил в храм – для исповеди и причащения (обыкновенно раз в месяц), о. Александр приглашал к себе и угощал обедом с мороженым. После обеда обычно 2-3 часа просиживал над какой-нибудь книгой из библиотеки о. Александра.

Однажды, высказав о. Александру слова благодарности за постоянные щедрые угощения, я добавил, что вряд ли смогу когда-либо достойно отблагодарить его за благодеяние, мне оказанное.

На это он мне поведал: «А я на твою сегодняшнюю благодарность и не рассчитываю. Ты же студент. И у тебя, кроме получаемых знаний и стипендии, никакого иного капитала нет. Так вот, когда я был молод (даже моложе тебя), меня один купец щедро окормлял и одевал, да еще и денежки давал на обучение. Когда я своему благодетелю говорил, что, может быть, никогда с ним в жизни и не рассчитаюсь за его благодеяния, он мне ответил: «А ты сделай кому-то из молодых людей такое же, какое нынче я делаю тебе». Вот теперь и я исполняю сказанное мне. На тебе я остановил свой выбор: ты – студент, а я хорошо знаю, что значит жить на стипендию. Ты – христианин, значит, будешь помнить сделанное тебе и будешь Богу за меня молиться, а большего мне ничего и не надо».

(Продолжение следует)

[3] Протоиерей Александр Павлович Смирнов впоследствии стал первым ректором открытого Патриархией Богословского Института.

Благословлением святителя Феодорита...

Основание Задонского Богородицкого монастыря освящено не только именем многострадального печальника за землю русскую – Патриарха Ермогена, канонизированного в 1913 году, но и благословлено другим святителем – архиепископом Рязанским и Муромским Феодоритом, причтенным к лику местночтимых святых Рязанской епархии в году 1999-м, а в 2010-м включенного и в Собор Липецких святых.

Архиепископ Феодорит пребывал на Рязанской кафедре с 1605 по 1617 год. Пределы вверенной его управлению епархии, в основном совпадавшие с территорией некогда независимого княжества Рязанского, соперничавшего с Москвой, были весьма обширны. Не случайно с учреждением Патриаршества Рязанской епархии в 1589 году присваивается статус архиепископии. Входили в ее состав и земли вокруг Ельца и Воронежа, меж которыми в 1610 году и срубили старцы Кирилл и Герасим первые кельи и первую церковь Тешевского Задонского монастыря во имя Сретения Владимирской иконы Божией Матери.

В 1605 году, в сложное для России время, предусмотрительный Ермоген, будущий Патриарх, а в то время митрополит Казанский, рукоположил архимандрита Феодорита во епископа Рязанского и Муромского и возвел в сан архиепископа. С этого момента владыка Феодорит участвовал практически в каждом государственном событии, и деятельное его участие всегда сопровождалось благими последствиями.

Мы не можем сказать ныне, кем дана была основателям Задонского монастыря благословенная грамота на учреждение обители - Патриархом Ермогеном или архиепископом Феодоритом. Пожар 1692 года уничтожил все первоначальные грамоты, хранившиеся в монастырском архиве.

Впрочем, как показывает анализ известных обстоятельств возникновения близких по времени иноческих обителей, в конце XVI столетия - начале XVII благословенная грамота обычно исходила от Патриарха. Тем более, что, как считается, старцы Кирилл и Герасим направили свои стопы к месту слияния Тешевки с Доном от врат Московского Сретенского монастыря. Но вот на дальнейшее устроение - как церковного, так и хозяйственного порядка - чаще испрашивалось благословение правящего архиерея. Например, некий «воин», намереваясь восстановить запустевшую «Даншину пустынь» близ нынешнего Задонска, получил на то благословенную грамоту рязанского митрополита Илариона. А игумен Окатовского монастыря во имя святителя Алексия, митрополита Московского, намереваясь построить в 1666 году каменную церковь, также испросил и получил на то грамоту от рязанского митрополита Иосифа.

Хотя в случае с основанием Задонского Богородицкого монастыря эти формальные моменты не столь уж и важны, ибо и Патриарх Ермоген, и святитель Феодорит были истинными единомышленниками в духе и истине. Это подчеркнул архиепископ Липецкий и Елецкий Никон, в своем «Слове», произнесенном в Христорождественском кафедральном соборе в день празднования Собора Липецких святых 23 сентября 2011 года: «Священномученик Патриарх Ермоген и его ставленник святитель Феодорит, бывший в начале XVII века архиепископом Рязанским, вероятно, благословили основание новой обители у Дона...»

Святитель Феодорит благословляет юного Михаила Романова на Всероссийский престол. 1613 год.

А с мученической кончиной Патриарха Ермогена в 1612 году именно святитель Феодорит становится одной из центральных фигур, вокруг которой формируется тот круг исторических личностей, что по воле Божией благополучно вывели страну из тьмы смуты.

Последние годы жизни Патриарх-священномученик не мог равнодушно взирать как, по свидетельству современника, «возбесились многие церковники: не только мирские люди чтецы и певцы, но и священники, и дьяконы, и иноки многие - кровь христианскую проливая и чин священства с себя свергнув, раздавались всякому злодейству». Этих крамольников Патриарх Ермоген старался наставить на путь истинный - «иных молениями, иных запрещениями; скверных же кровопролитников и не хотящих на покаяние обратиться - тех проклятию предавая, а кающихся истинно - то тех любезно приемля и многих от смерти избавляя ходатайством своим».

И в это тяжкое время земля Рязанская и первопрестольный град архиепископии являли утешительную противоположность. Как сказано в житии святителя Феодорита: «Следует заметить, что благоустройство града Рязани, в особенности постройка величественного Успенского собора и прославление святителя Василия, происходило во время тяжелой войны с Польшей, когда Сигизмунд III осаждал русские города. Таким образом Рязань являла пример возрождения, укрепляя народный дух. Можно с уверенностью сказать, что город в эти годы приобрел общерусское значение».

И вот настал год 1613-й, ознаменованный в истории России великим и славным подвигом архиепископа Феодорита в деле избрания на Всероссийский престол Михаила Феодоровича Романова.

Как сообщает составитель жития святителя, после освобождения Москвы от врагов, прослышав о намерении вождей ополчения и «именитых людей» избрать царя земли Русской, архиепископ Феодорит поспешил в Москву, принеся горячую молитву Го-

споду Вседержителю о благополучном исходе великого и святого дела. «Прозорливая душа его помнила страдальца за веру и Отечество патриарха Ермогена, указавшего перед смертью на избранника». Им был юный Михаил из рода Романовых.

И 21 февраля, в Неделю Торжества Православия, помолившись, архиепископ Феодорит в сопровождении келаря Троицкой Лавры Авраама Палицына, архимандрита Новоспасского монастыря Иосифа и боярина Василия Петровича Морозова вышел на лобное место и спросил собравшийся в бесчисленном множестве на Красной площади народ, кого хотят они иметь царем? «Михаила Феодоровича Романова», - был единственный ответ.

Между тем нареченный царь Михаил и не помышлял о царствовании. По освобождении из польского плена он тотчас удалился со своей матерью, инокиней Марфой Иоанновной, в свое костромское имение и жил в Ипатьевском монастыре.

На Земском Соборе понимали, как трудно будет склонить мать-инокиню благословить сына на царство, а сына - принять венец Государя. Потому и назначили в Кострому посольство из мужей духовно мудрых и именитых, а во главе его поставили опытного в делах веры и благочестия, благодатного архиепископа Рязанского Феодорита.

14 марта, в воскресенье недели 4-й Великого поста, по совершении заутрени, архиепископ Феодорит облачился в святительские одежды, благословил облачаться в ризы всему бывшему с ним духовенству и, подняв кресты и иконы, посольство стало переправляться через Волгу. Храмы близлежащих костромских сел приветствовали посольство колокольным звоном. К шествию посольства архиепископа Феодорита присоединилось - в сопровождении горожан - все костромское духовенство с крестами, хоругвиями и чудотворной иконой Феодоровской Божией Матери. Единый торжественный крестный ход направился вдоль берега к Ипатьевской обители. Навстречу из стен монастыря вышел крестный ход иноков в сопровождении будущего царя и его матери-инокини. Но печаль лежала на кротком лице Михаила и его матери...

«Такая почесть мне и на мысль не всходила... - молвил Михаил, - вручите державу мужам, заслугами прославившимися и паче меня того достойными».

Потрясенный отказом, молил рязанский святитель Михаила и инокиню Марфу Иоанновну не противиться Промыслу Божию. Но мать и сын оставались непреклонны. И тогда представил им архиепископ Феодорит, какие великие бедствия ждут и без того разоренную страну, пред святыми образами умоляя не оставлять землю Русскую.

И, собрав силу духа, Марфа Иоанновна молвила: «Вот вам жертва, от меня требуемая, жертва Отечеству... Когда Богу так угодно, да будет так. Я благословляю Михаила Феодоровича на царство».

«Премудрость Божия осенит его, и десница Вышнего совершит все его начинания!» - воскликнул архиепископ Феодорит.

Михаил, преклонив чело свое под благословение архиепископа Феодорита, с преданностью воле Божией молвил: «Когда есть на то воля Божия, и воля государыни матери моей, да будет так».

Государь сел на царском кресле, было произнесено многолетие и наречен был Михаил Феодорович «всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержцем». Архиепископ Феодорит с собором духовенства и народом, принося Государю верноподданническое поздравление, поклонились ему до земли.

Но окончание великой миссии по избранию на царство Михаила Романова не освободило от государственной деятельности архиепископа Феодорита, ведь тогдашнее состояние России требовало усиленной деятельности членов Земского Собора. Потрудившийся в деле призвания и возведения на престол юного Михаила, архиепископ Феодорит и теперь помогал государю и словом, и делом. Владыка Феодорит не оставлял своим попечением Рязань. Многие села были разорены, другие - сожжены, одни монастыри опустели, другие остались без поддержки. Архиепископ Феодорит ходатайствовал пред Государем о поддержке пострадавших в Смутное время, и после окончательного умиротворения России, приходы и иноческие обители стали мало-помалу обустраиваться, храмы восстанавливались. Так что на исходе земной жизни архиепископ Феодорит сподобился видеть плоды трудов Государя. А 10 сентября (по старому стилю) 1617 года на 66-м году святитель Феодорит мирно отошел ко Господу[1]...

Л. МОРЕВ

---

[1] Святитель Феодорит был погребен в Архангельском соборе рязанского кремля.

В 1999 году, в День Святого Духа, в Свято-Троицком монастыре Рязани состоялось торжественное прославление архиепископа Феодорита и причисление к Собору Рязанских святых.

Ныне святые мощи святителя почивают в Троицком монастыре города Рязани. Память святого совершается 10/23 сентября, в день преставления святого.

Детские страницы

Урок 5:

Сотворение и Воскресение

Сотворение мира и будущий век

Дорогие ребята! Мы уже говорили о том, что до сотворения мира совсем ничего не было – ни пустоты, ни темноты, ни времени, ни пространства. И, конечно, не могло быть космоса, звезд, планет. Только Три Бесконечных жили Друг в Друге, и были одним Богом, не имея ни начала, ни конца. Это Они – Отец, Сын и Святой Дух – и сотворили мир из ничего, из нуля. Стоило только Святой Троице захотеть, и Её мысль исполнялась.

И **в начале** Триединый Бог сотворил **небо и землю**, то есть весь мир сразу, мгновенно. Ведь Он – Всемогущий. Но мир был ещё не завершён, а напоминал собой скорее набросок прекрасной картины, черновик необыкновенной поэмы, заготовку будущей великолепной скульптуры. В этом первобытном космосе было ещё очень много беспорядка, незавершённости. А может быть, мироздание напоминало громадный океан материи, беспорядочную текучую смесь веществ, неоформленный материал.

В Библии нам открыто, что за **шесть дней** Отец, Сын и Святой Дух как бы движениями невидимой кисти довели картину мира до удивительного совершенства. Бог наполнил мироздание необыкновенной красотой, порядком, гармонией.

– В **первый день** Бог сотворил **свет**, то есть энергию. Текучая масса вещества наполнилась множеством природных сил, энергий. Мир стал похож на пульсирующий огненный океан света. Всё пришло в непрерывное движение.

– Во **второй день** Троица создала **твердь** или **небо**. Бог устроил так, что огненный океан стал остывать, распадаться на части, светящиеся лучи превращались в частички вещества – электроны, атомы, молекулы. Из мелких частичек Бог образовал крупные небесные тела – звёзды и планеты. Их остывающие поверхности названы в Библии **твердью**. А возникшее между ними космическое пространство – **небом**.

– В **третий день** Господь выбирает из всех космических тел, планету Земля. Он словно готовит в громадном космосе маленький уютный домик для человека и его меньших братьев – животных. И в этот день Троица собирает воду, покрывающую нашу планету, в океаны, моря, озёра, реки. Одновременно Он образует материки, острова и на них горы, равнины, овраги. Так появляются **море и суша**. Тогда же по повелению Создателя земля произрастила **растения**. Дотоле безжизненная планета оделась в живое зелёное платье.

Сотворение мира

– В **четвёртый день** Бог завершает создание космоса. Каждой **звезде** Троица устанавливает свою яркость и дает накопить своё количество света – энергии, созданной в первый день творения. **Солнце** вмещает такой запас энергии, чтобы греть, но не сжигать всё живое на планете Земля. До этого дня Солнце было ещё слишком горячим и ярким. И вот Солнце успокоилось и стало безопасным. Поэтому только теперь Творец открывает нашу планету для солнечных лучей. Для этого Он очищает атмосферу Земли от завесы газов. С этого времени **Солнце, Луну и звёзды** стало можно видеть с Земли, началась обычная смена дня и ночи, а также времён года.

– В **пятый день** Триединый Господь создает **рыб** и **птиц**.

– В **шестой день** Бог создает **животных** и **человека** – царя, хозяина голубой планеты.

– В **день седьмой** Творец перестал создавать новое, но не просто отдыхал, а стал бережно заботиться о Своих созданиях, любя каждое из них и радуясь о них.

Дорогие ребята, важно понять, что эти семь дней не были обычными днями. Ведь чередование обычных суток началось на Земле только в четвертый день. Поэтому сколько длился каждый день творения, мы не знаем – это тайна. Каждый из этих семи дней мог продолжаться один миг, а мог длиться и миллион, даже миллиард лет. Бог может всё. Он вечен. Для Него и миллиард лет, как один день, даже как одна секунда. Может быть, семь дней – это семь эпох, семь этапов истории Вселенной. Но не важно, сколько длились эти дни. Главное, что шесть дней творения – это шесть великих дел любви – любви Святой Троицы к своим созданиям.

Можно также думать, что седьмой день продолжается до сих пор. Это тот период истории мира, когда Господь не создаёт новое, а заботится о всём живом. Но будет и особый **восьмой день** или **будущий век** – это та бесконечная эра, которая начнется, когда Господь Иисус Христос придёт на землю второй раз. Тогда воскреснут все люди, став бессмертными и вечно молодыми. И на земле больше никогда не будет смерти, болезней и зла. И вся природа станет бессмертной – и животный, и растительный мир. Всё наполнится сиянием Троицы. И наступит вечная Пасха, вечная весна, нескончаемая жизнь и радость. И Бог будет с нами вовеки. И всё это произойдет потому, что Господь Иисус Христос победил смерть. Давайте вспомним об этой главной победе.

Воскресение Христово

Умершего за наши грехи Спасителя сняли с Креста, обвили чистыми полотнами и погребли в пещере, закрыв вход большим камнем. Враги Христа поставили рядом стражу, боясь, что ученики украдут Тело Господа. Был вечер пятницы, наступала суббота – последний, седьмой день недели, день покоя. В эту Великую Субботу Христос победил диавола и вывел из ада в рай души людей. Теперь должен был наступить первый день после субботы – он тогда не имел своего названия и был началом новой недели.

И вот ночью этого нового дня произошла самая главная тайна – **Христос воскрес**. Произошёл переворот в истории человечества. До этой удивительной ночи **был закон обязательной смерти за грех**. Все люди должны были обязательно умереть, ибо были грешны. Что же делает Сын Божий, чтобы спасти нас от смерти?

Он сошёл с небес и **стал человеком**. И был Он **единственным безгрешным** среди людей и **поэтому** никогда не должен был умереть.

Но Иисус **подчинился смерти добровольно, чтобы победить её**. Смерть поразила Его, но оказалась не в силах, и не имела права удержать в своем плену безгрешного Богочеловека. И вот в эту святую ночь Своей Божественной силой Христос оживил Себя. Душа Христа вернулась из рая и вошла в тело, тело навсегда ожило. **Впервые один из людей** победил смерть, стал бессмертным, вечным человеком.

Так бывает иногда в спорте – один атлет сражается за всю команду, и его успех принадлежит всей команде. И Христос победил смерть как представитель всего рода человеческого, и приобрёл бессмертие для всех нас. Свою **победу Он подарил всем нам – своим братьям**...

Он **умер один за всех, закон смерти выполнил вместо всех, чтобы его отменить**. Закон исполнен и уже не нужен, и **может быть отменен**. Смерть же словно сама себя осудила – она покусилась на безгрешного и стала абсурдом, бессмыслицей и поэтому **должна быть отменена**. В семье людей появился безгрешный, значит смерти быть не должно. И настанет миг, когда Христос воскресит всех нас и сделает нас бессмертными.

Вот такой переворот произошёл в мире в эту ночь. Наступила Пасха, это слово значит: «смерть миновала». Всё изменилось в жизни. Но только никто тогда об этом не знал. Воскресший навсегда Иисус тихо вышел из закрытой пещеры глубокой ночью. И стражники караулили до утра пустой гроб. А на *рассвете первого дня недели*

сделалось великое землетрясение. Ангел Господень, сошедший с небес, отвалил камень от двери гроба и сидел на нём; вид его был, как молния, и одежда его бела, как снег. Солдаты караула от страха стали, как мёртвые, а потом разбежались. Ангел же остался ждать учеников Христа.

В самом деле, *очень рано* собрались идти ко гробу ученицы Христа: *Мария Магдалина, Саломия, Иоанна и другие с ними*, и приготовили *ароматы, чтобы помазать Тело Иисуса.* Мария Магдалина так любила Христа, что опередила всех и пришла ко гробу, *когда было ещё темно, и видит, что камень отвален от гроба.* Но Ангел почему-то пока скрылся от неё. Она побежала к самым близким ученикам Христа – Петру и Иоанну, *и говорит им: «Унесли Господа из гроба, и не знаем, где положили Его...» Петр и Иоанн тотчас побежали ко гробу.*

А пока они бежали, забрезжил рассвет, и в это время *приходят ко гробу* остальные женщины: Саломия, Иоанна, Сусанна и другие. Им явился блистающий Ангел, сидящий на отваленном от входа камне, и повелел им войти и посмотреть пустую пещеру. *И, войдя во гроб, увидели* второго Ангела – *юношу, облечённого в белую одежду, и ужаснулись. Он же говорит им: «Не ужасайтесь. Иисуса ищете, распятого. Он воскрес, как сказал. Его нет здесь. Пойдите скорее, скажите ученикам Его». И, выйдя, в страхе побежали от гроба.*

В это время подоспел ко гробу молоденький и пылкий Иоанн, который *бежал скорее Петра, но не вошел во гроб. Вслед за ним приходит Пётр, и входит во гроб и видит одни пелены лежащие, и плат, который был на голове Иисуса, особо свитый* и лежащий отдельно. *Тогда вошёл и Иоанн, и увидел, и уверовал.* Ангелов Петр и Иоанн не увидели, и *возвратились к себе.*

А *Мария Магдалина стояла у гроба и плакала. И наклонилась во гроб, и видит двух Ангелов, в белых одеяниях сидящих, где лежало Тело Иисуса. И они говорят ей: «Что ты плачешь?»* Она ответила им: *«Унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его». Оглянувшись, она увидела стоящего Иисуса, но не узнала, что это Иисус. Иисус сказал ей: «Женщина! Что ты плачешь? Кого ищешь?» Она, думая, что это садовник, говорит Ему: «Господин! Если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его». Иисус говорит ей: «Мария!»* Она вдруг узнала Его и воскликнула: *«Раввуни!» – что значит: Учитель!* Иисус повелел ей поспешить к остальным ученикам и рассказать им всё.

По дороге она встретила другую ученицу Христа, видевшую с другими женщинами только пустой гроб и ангелов. И когда Мария Магдалина рассказывала ей о том, что видела Господа, вдруг *Иисус встретил их и сказал: «Радуйтесь!» И они* пали на землю и *ухватились за ноги Его. Тогда говорит им Иисус: «Не бойтесь, пойдите, возвестите братьям Моим, что они* скоро *увидят Меня».*

Так ранним утром для человечества началась новая жизнь. Смерть отменена. Первый из нас уже воскрес.

Христос воскрес в первый день после субботы. Поэтому этот день стали называть **воскресеньем**. Суббота – последний, седьмой день недели, а воскресенье – это первый день новой недели. А ещё можно назвать воскресенье и **восьмым днем**. Воскресный день напоминает нам про тот чудесный **восьмой день**, который не закончится никогда, и когда смерти больше не будет. Поэтому христиане почитают воскресный день больше субботы. В субботу закончено создание мира, а в воскресенье мир получил бессмертие. Каждое воскресенье верующие люди посещают храм Божий для молитвы. А в храме Божием с нами молятся жители небес. Вот один случай.

Одному монаху по имени Матфей во время церковной службы было видение: в храм вошла Пресвятая Богородица, и Ангел в белоснежной одежде с великим почтением нес перед Ней большую горящую свечу, второй же Ангел следовал за Ней как послушный слуга. Матерь Божия раздавала всем верующим монеты. Поющим в церковном хоре Она дала по золотой монете. Просто молившиеся в храме люди получили от Царицы Небесной по шесть серебряных монет. А тем, кто молился особенно горячо и усердно, было дано по шесть золотых монет.

Когда видение окончилось, Матфей понял, что это были совсем не монетки. Под видом монет Богородица раздавала верующим благословение и благодать (святую силу доброты от Бога, невидимые Божии лучи). И эти святые лучи наполняли невидимо сердца молящихся в храме людей. У одних души просветлялись больше, у других – меньше, поэтому и были различны монетки и их количество. Матфею захотелось больше просветить свою душу сердечной молитвой, поэтому он попросил у священника разрешения петь в церковном хоре. Батюшка принял его в число прославляющих Бога певцов.

Вот как важно, ребята, как можно чаще ходить в храм Божий. Мы выйдем оттуда не с пустым сердцем, если только помолимся сердечно и внимательно Богу и Его святым.

Иеромонах Гавриил (Мельников)

СИРОТКА

После целого ряда дождливых дней наконец выдался ясный, светлый денёк. Лёгкий морозец посеребрил побуревшую траву и покрыл тонким льдом лужи, к великой радости деревенской детворы. Дружно высыпали ребятишки на берег быстрой Урмы. Кто пробовал ногой лёд, кто собирал ракушки. Свежие детские голоса так и звенели в чистом морозном воздухе; никто не обращал внимания на холод. Руки озябнут – сейчас пальцы в рот, и можно терпеть; озябнут ноги – бегать начнут, глядишь и отогреются.

– Глянь-ка, какой зипун на Мишутке! – указала подруге повязанная большим байковым платком девчонка.

– Ему что! Богатей, – отозвалась та, потряхивая длинными рукавами материнской кацавейки. – Глянь-ка, Пашка-дура идёт... Сюды идёт, к нам!

На спускающейся к реке тропке показалась худенькая девочка лет тринадцати. Истрёпанное ситцевое платье и изорванная, вся в заплатах кофта мало защищали её от холода. На ногах, обмотанных верёвочными оборами, были обуты лаптишки; из-под ситцевого платка беспорядочно выбивались черные волосы.

Девочка спускалась медленно, как травленый зверёк, дико озираясь по сторонам.

– Пашка-дура! Пашка-овин! – хором запели ребятишки и бросились ей навстречу.

Девочка в испуге остановилась. Видно было как дрожали её прижатые к груди руки, как вздрагивали бледные губы.

– Куда идёшь? – подскочил к ней шустрый мальчишка, по прозванию Сенька Чечуёнок.

– В Карелино, – тихо ответила девочка, указывая на видневшуюся за рекой деревушку. – Тётка Мария примываться звала.

– Ребята, не пускать её через лавы! – крикнул мальчишка в новом зипуне. – Пусть плывёт через реку.

– Не пустим! Не пустим! – подхватили остальные ребятишки и бросились к перекинутым через Урму лавам.

Чтобы иметь возможность сообщаться с деревнями, лежащими за рекой, крестьяне устроили в нескольких местах реки козлы, через которые перекинули три толстые доски. Это и были так называемые лавы. Переправа через них была далеко не безопасна, но русский человек ко всему привыкает, и приречные жители чуть не бегом переправлялись по этому самодельному «мосту».

Сбежав с берега, мальчишки вошли на лавы и стали ждать Пашку. Бойкий Мишутка весело прыгал на качавшихся досках и дразнил языком подошедшую Пашку.

– Сунься-ка, сунься! Попробуй! – кричал он. – Живо в Урме будешь. Знать, забыла, как вечор тебя мамка за волосья таскала? Погоди, ещё попадёт!

– За что твоя мать её била? – послышались голоса.

Мишутка принял важный вид, засунул руки в карманы и не спеша стал рассказывать, как вчера они с матерью вдруг заслышали, что у них в сенях кто-то возится.

– Тяти дома не было, – повествовал Мишутка. – Мамка испугалась: думала, вор забрался. А делать нечего, взяла ночничок и пошла в сени. Глядь, а за кадкой Пашка-дура сидит.

– Украсть хотела: У-у, воровка! Подкидыш! – закричали мальчишки.

Тёмные глаза Пашки гневно сверкнули.

– Не воровка я! Вот, как перед Богом! – крикнула она и перекрестилась.

– А зачем же схоронилась?

– Озябла, ночь была... Холодно. Знала, что в избу не пустят...

– Знамо, в нашей деревне никто не пустит, – заявил Чечуёнок. – Нам подкидышей не надо! Проваливай дальше!

– Где ж ты ночевала? – тихо спросила Пашку одна из девочек.

Пашка вскинула на неё глаза. Прочла ли она сострадание во взгляде девочки или её тронул ласковый голосок, только две светлые, как кристалл, слезинки выкатились из-под её длинных ресниц.

– В стогах, – тихо ответила она и сделала два шага к лавам.

– Прочь! Куда лезешь? Сказано, не пущать! Плыви, коли охота! – кричал Мишутка.

– Пустите, Христа ради! – взмолилась Пашка. – Холодно, в поле ночевать страшно-о-о...

– Сейчас же пустите! Не то худо будет, – вступились девочки.

– Боимся мы вас, как же! – крикнул Мишутка и стал пятиться, загораживая им дорогу.

Вдруг он оступился и стремглав полетел в реку. Раздался всплеск и Мишутка скрылся под водой.

С криком и воплями дети помчались в деревню, только одна Пашка осталась на берегу. Вдруг она быстро сбросила кацавейку и кинулась в реку, где мелькнула русая голова Миши.

Девочка изо всех сил работала руками и наконец настигла утопавшего. Она ловко сгребла его за волосы и потащила.

Когда сбежались люди, Мишутка был спасен. С причитаниями, со слезами кинулась к бесчувственному ребёнку мать.

– Качать его надо! – сказал кто-то из мужиков.

– Пошто? Клади на брюхо, ничком.

Кто-то легонько похлопал его по шее, и, действительно, вода полилась изо рта и носа. Через несколько минут Мишутка вздохнул. Обрадованная мать заголосила, дюжий мужик поднял мальчика, и процессия тронулась к деревне.

На берегу осталась только измокшая, дрожащая от холода Пашка. О ней все забыли – теперь ей никто не мешал переправляться через лавы. Девочка и попробовала было перейти, но вернулась: от только что перенесённого волнения у неё кружилась голова и дрожали ноги.

С большим трудом поднялась она на берег и, скорчившись, присела на помосте житницы. Смертельный холод охватил всё тело девочки, – она чувствовала, что умирает...

Вдруг послышались голоса, и кучка баб во главе с теткой Мариной бросились к ней. Девочка устало подняла на них глаза, видимо, плохо сознавая, зачем она здесь.

– Встань, Пашка! Пойдём в избу! Ишь ты, застыла, сердешная! – с трудом подымая девочку с помоста, говорила тётка Марина.

– Спасибо тебе за Мишутку. Кабы не ты – не видать бы ему света белого.

Пашку привели в избу, переодели в сухое платье и уложили на печи. Приятная теплота охватила назябшееся тело девочки, и она стала забываться. Она не слышала слов горячей благодарности вернувшегося Сидора, не видала виноватых взглядов, какие кидал на неё Мишутка, не замечала забот тётки Марины, ещё вчера отколотившей её и выгнавшей, несмотря на тёмную ночь, на улицу – ничего не замечала бедная Пашка. Злой недуг, долго стороживший её, настиг и захватил в свои цепкие лапы.

Всю ночь прометалась девочка в жару. Образы былого, пережитого окружили её со всех сторон... То ей грезилась давно позабытая мать, трёхлетним ребёнком подкинувшая её в овин, отчего ребятишки и дразнили её «Пашка-овин»; то бабка Акулина, призревшая её, то толпа злых мальчишек, издевавшихся над её сиротством и беспомощностью. Точно затравленный зверёк, пряталась она от деревенской детворы, ни в ком не встречая ласки. «Подкидыш, Пашка-овин, Пашка-дура, пошла прочь!» – слышала она со всех сторон.

И привыкла девочка дальше уходить от людей, хорониться от них в лесу или в поле, в густой траве. Там она отдыхала душой, там плакала от незаслуженных обид. Тёмному лесу, быстрой речке, ветру буйному поверяла она своё горе – у них искала она утешения.

Пока была жива бабка Акулина, Пашка еще жила с грехом пополам, а как умерла старушка, и никто не захотел её взять, пошла девочка мыкать горе по белу свету. Где день, где ночь; где сжалятся и на недельку оставят, накормят и кое-чем прикрыть тело дадут.

Так и жила Пашка из года в год, и вот сравнялось ей тринадцать лет. Прекрасные глаза девочки от постоянной травли приобрели дикое выражение, и народ, падкий на разные прозвища, окрестил её «Пашкой-дурой». И пошла с этим именем девочка скитаться по деревням.

Любовь к свободе овладела всем её существом – она нигде не могла прожить долго. Поживёт день, два, отдохнёт, – на третий выйдет на улицу, оглянется на все четыре стороны и пойдёт туда, где ей приглянется.

– Ну, навязала я себе обузу на шею, – ворчала тетка Марина. – Вторую неделю валяется, тоже за ней ходить надо...

– Молчи! – грозно прикрикнул на жену Сидор. – Креста на тебе нету... Из-за кого она, голубушка, мается? Из-за нашего парнишки! Себя не пожалела, вытащила его. Э-э-х, сердца-то у тебя, знать, нет – ведь сиротинка она!

Сидор осторожно подходил к полатям, где лежала Пашка, и ласково звал её, но девочка ничего не слышала. Её исстрадавшееся тело было ещё здесь, а душа летала далеко...

– Болезная ты моя! – приговаривал Сидор, стараясь смягчить свой грубый голос. – Худо тебе?

В ответ ему слышался, сухой кашель и стоны Пашки.

Мишутка словно переродился со времени своего падения в реку. Несмотря на все упрашивания товарищей выйти погулять, он целые дни сидел дома. О чём думал Мальчик, никто не знал, только мать не раз подмечала, как он украдкой вытирал слезы.

– Слышь, жена! – обратился однажды к Марине Сидор. – Надо бы за батюшкой съездить, – не выжить Пашутке...

Мишутка вскрикнул и, закрыв лицо руками, выбежал из избы.

– Ишь, и ему жалко, – а ты ровно статуй каменный...

Марина отвернулась. Слова мужа задели её. Вспомнила она, как таскала за волосы Пашутку, как выгнала её...

В эту минуту девочка жалобно простонала, словно умоляя о помощи. Какая-то тёплая волна охватила суровое сердце Марины, она кинулась к полатям, припала лицом к исхудалым рукам Пашки и зарыдала.

– Так-то ладней будет, – проговорил Сидор и вышел.

Немного времени спустя он уже уехал на погост за старым батюшкой, отцом Иваном.

Тем временем Марина с помощью баб обрядила девочку во всё чистое. Бабы, в ожидании священника, перешёптывались и с удивлением глядели на больную. Лицо девочки вдруг словно преобразилось: дикое выражение её глаз сменилось каким-то мягким, светлым...

Приехал батюшка и, выслав всех из избы, стал напутствовать больную. Когда все вернулись в избу, он торопливо отёр платком глаза и уехал.

В ночь Пашки не стало. Никто не видал, как она ушла из этого мира...

Точно родную дочь оплакивали её Сидор с Мариной, а Мишутка плакал навзрыд.

Сколотил Сидор из чистых сосновых досок домовище, бабы обрядили девочку, и на другой день печальная процессия потянулась к погосту.

За гробом, который мужики несли на руках, шла вся деревня от мала до велика.

Отпели Пашку, и мужики только взялись за гроб, чтобы нести его на кладбище, как вышел отец Иван и проникающим в душу голосом произнес:

– Братия! Нет больше той любви, кто за други своя положит душу свою...

И стал разбирать отец Иван всю жизнь умершей.

И открылись у всех глаза, ужаснулись люди, что могли быть так злы... Громкие рыдания огласили церковь.

Громче всех рыдал Мишутка. С какой бы радостью он вернул Пашку, как любил бы он её, – никому бы не дал в обиду!

– Братья, – говорил отец Иван, – эта девочка, так много терпевшая в жизни, исполнила величайшую заповедь Господа нашего Иисуса Христа. Последуем и мы её примеру! Возлюбим друг друга!

Он умолк, а в церкви долго ещё раздавались рыдания.

С плачем понесли сосновый гробик на кладбище, с плачем опустили его в землю. Быстро вырос свежий песчаный холмик... Вольный ветер с полей, быть может, снесёт с годами песок с могилы бедной Пашки и сравняет её с землей, но в сердцах людей ещё долго будет жить о ней память... Там подвиг её короткой жизни оставил глубокий след.

Е. Опочин